

идея
стаффаж
лексическая коммуникация
эмпирический подход
лингвистическая типология
формальный русский язык
формальный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
формальный и структурный
литературная конструкция
лексическая словоформа
лексические единицы
формальный стиль
коммуникация и актуализация
лексические трансформации
концептосфера
литературный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль
стаффаж
лексическая коммуникация
лингвистический код
лингвистическая оппозиция
формальный русский язык
формальный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
формальный и структурный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль
стаффаж
лексическая коммуникация
лингвистический код
лингвистическая оппозиция
формальный русский язык
формальный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
формальный и структурный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль
стаффаж
лексическая коммуникация
лингвистический код
лингвистическая оппозиция
формальный русский язык
формальный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
формальный и структурный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль

концептосфера
коммуникация и актуализация

формальный и содержательный
коммуникатор и коммуникант
формальный и структурный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль

лексическая конструкция
лексическая словоформа
лексические единицы
формальный стиль
коммуникация и актуализация
лексические трансформации
концептосфера
литературный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль

коммуникатор и коммуникант
формальный и структурный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль

формальный и структурный
литературная картина мира
лексический иностранный
стиль

1

Num.

Vol. LIX

Olomouc 2020

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LIX
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2020

Hlavní redaktor – Editor-in-Chief – Главный редактор: prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Výkonný redaktor – Editor – Редактор-исполнитель:
Mgr. Jindřiška Kapitánová, Ph.D., doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Redakční rada – Editorial Board – Редакционный совет:
Univ.-Prof. Mag. Dr. phil. Peter Deutschmann (Salzburg)
Prof. Mikhail Epstein (Emory University, USA)
проф. Алексей Алексеевич Гиппиус, д.ф.н. (Москва)
emer. prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (Olomouc)
emer. prof. dr. Ulrike Jekutsch (Greifswald)
проф. Валерий Михайлович Мокненко, д.ф.н. (Санкт-Петербург)
prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (Olomouc)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno)
prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra)
prof. PhDr. Zdeňka Trösterová, CSc. (Ústí nad Labem)
проф. Алла Владимировна Злочевская, д.ф.н. (Москва)

Adresa redakce – Contact Address – Адрес редакции:
Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta UP, Křížkovského 10, CZ-771 80 Olomouc
jindriska.kapitanova@upol.cz, jitka.komendova@upol.cz

Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii navazuje na ročenku *Rossica Olomucensia* vydávanou v letech 1968-2007. Od r. 2008 jsou pod hlavičkou *Rossica Olomucensia* vydávány dvě řady: 1) **Časopis pro ruskou a slovanskou filologii** (dvakrát ročně) s uvedením ročníku a čísla (např. Vol. XLVII a Num. 1, 2) a 2) **Sborník příspěvků z mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů** s uvedením ročníku. Obě řady jsou rozlišeny podtitulem. V r. 2009 byla *Rossica Olomucensia – Časopis pro ruskou a slovanskou filologii* zařazena na Seznam recenzovaných neimpaktovaných periodik vydávaných v České republice. Elektronická verze časopisu je umístěna na stránce: http://www.rusistika.upol.cz/veda_a_vyzkum/rossica_olomucensia.html

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47
www.upol.cz/vup

Odpovědný redaktor: Bc. Otakar Loutocký

Technická redakce: doc. Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

Návrh obálky: Ivana Perůtková

Vychází dvakrát ročně (červen a prosinec)
Náklad: 45 výtisků

ISSN 0139-9268 (print)

ISSN 1804-1434 (online)

Reg. č. MK ČR E 18418

ROSSICA OLOMUCENSIA

1

Num.

Vol. LIX

Olomouc 2020

ČASOPIS PRO RUSKOU A SLOVANSKOU FILOLOGII

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře, udělené roku 2020 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Institucionálního rozvojového plánu, Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. LIX
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2020

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Ника Зоричич, Марина Васильевна Радченко: К вопросу реализации деривационного потенциала англицизмов в русском и хорватском языках (на материале текстов СМИ и интернет-форумов)	5
Елена Владимировна Ничипорчик: Моральные ценности в паремиологических картинах мира, или паремиографическое решение вопроса о содержании понятия «мораль»	19
Станислав Рылов: Современные тенденции изменения в русском синтаксисе (на фоне чешского синтаксиса)	41
Екатерина Мельничук: Автомиф о страдающей матери в творчестве Елены Гуро (сверхповесть «Бедный рыцарь»)	57

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

Ильясова Светлана Васильевна, Амири Людмила Петровна: Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия (Марина Радченко)	67
Марія Львівна Дружинець Українське усне мовлення: психо- та соціофонетичний аспекти (Алла Петрівна Романченко)	73
Zofia Kozłowska, Anna Szczęsny: Tłumaczenie pisemne na język polski. Kompendium (Jan Jeništa)	76
Тамара Гундорова: Післячорнобильська бібліотека: Український літературний постмодерн (Radana Merzová)	79

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

К 80-летию Валерия Михайловича Мокиенко (Людмила Степанова)	83
---	----

НИКА ЗОРИЧИЧ

Италия, Бергамо

МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА РАДЧЕНКО

Хорватия, Задар

**К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕРИВАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ
И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТОВ СМИ И ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)**

АБСТРАКТ:

On realisation of derivational potential of Anglicisms in Russian and Croatian languages (based on mass media texts and Internet forums)

English loanwords, demonstrating varying degrees of adaptation in Russian and Croatian, are actively used in derivational processes. The formation of neologisms, very frequently found in mass media texts and in the language of the Internet, can be carried out in both conventional and non-conventional ways. Based on a comparative analysis, the most productive ways of forming neologisms derived from Anglicisms are revealed: suffixation, analytical compounding (in Russian), graphical derivation, blending. The degree of word-formation potential of the newest Anglicisms reflects the relevance of the designated phenomenon and the frequency of use of the borrowing and its derivatives.

KEY WORDS:

Russian language – Croatian language – Anglicisms – English borrowings – occasionalisms – mass media texts – Internet forums – word-formation – derivational processes – affixation – suffixation – analytical compounding – graphical derivation – blending.

В последние десятилетия как в русском, так и в хорватском языках наблюдается большой приток слов из английского языка. Исследователи¹ отмечают, что современная эпоха глобализации и интернационализации характеризуется интенсивным проникновением заимствований из английского языка (прежде всего из его американского варианта) в языки-реципиенты, находящиеся в зоне глобального доминирования английского языка. Для обозначения данного процесса в научной литературе используются термины «глобанглизация» [Кабакчи 2011: 177] или «амероглобализация» [Коряковцева 2009: 183]. В настоящей статье проводится анализ одного из аспектов процесса освоения подобных заимствований в языке-реципиенте, представляющий, на наш взгляд, особый интерес для изучения, а именно: словообразовательный потенциал англицизмов, способы, средства и специфические особенности формирования дериватов на их основе.

Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки из печатных и электронных средств массовой информации и интернет-форумов на русском и хорватском языках в период с 2012 по 2019 год. В статье проанализировано 55 лексических единиц (33 примера на русском языке и 22 на хорватском), из которых 57 % русских и 63 % хорватских слов было выявлено нами в текстах СМИ, а 43 % русских и 37 % хорватских примеров – в текстах интернет-форумов.

Слависты-дериватологи [Коряковцева 2018: 19–20; Рацибурская 2015: 238–239] обращают внимание на то, что при словообразовательном освоении английских по происхождению лексем во всех славянских языках протекают сходные процессы, среди которых можно выделить следующие:

- 1) активное использование в языках-реципиентах англицизмов в качестве деривационных основ, приобретающих способность сочетаться с аффиксами как иноязычного, так и славянского происхождения;
- 2) широкое использование общеславянских аффиксов при образовании производных от заимствованных из английского языка основ;
- 3) вовлечение в процессы деривации англоязычных аббревиатур;
- 4) активизация аналитического словосложения;
- 5) рост продуктивности интернациональных аффиксов во всех славянских языках;
- 6) использование английских по происхождению слов и корневых морфем в качестве особых словообразовательных элементов (аффиксоидов).

¹ Например, см. работы [Кабакчи 2011], [Коряковцева 2018], [Рацибурская 2015].

Окказиональные новообразования, особенно часто встречающиеся на страницах различных периодических изданий, в текстах интернет-коммуникации и в сетевой публицистике на русском и хорватском языках свидетельствуют о том, что слова английского происхождения активно включаются в процессы деривации.

На основе сопоставительного анализа выявляются наиболее продуктивные способы образования новых слов на базе англицизмов в русском и хорватском языках.

Как известно, при усвоении иноязычного слова происходит устранение в нем несвойственных языку-реципиенту звуков и форм. Вхождение иноязычных лексем в языковую систему принимающего языка сопровождается процессами освоения на различных уровнях: фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом. При фонетическом освоении из языка-источника берется звуковой образ лексической единицы и происходит равноценная замена составляющих его звуков. Графическое освоение состоит в том, что иностранные слова передаются на письме с помощью графических средств заимствующего языка. При этом происходит передача звуков при помощи графических средств языка-реципиента (трансфонация) или передача букв (транслитерация), а возможны и смешанные случаи. Генетическая и типологическая близость славянских языков обуславливает «идентичность способов фонетико-орфографической ассимиляции интернационализмов-англицизмов, заимствованных в ходе устной и письменной коммуникации» [Коряковцева 2018: 18]. Необходимо отметить, что заимствования, особенно те, которые не полностью освоены заимствующим языком, часто имеют весьма нестабильную, вариативную орфографию. Е. В. Маринова отмечает значительное возрастание числа орфографических и графических вариантов иноязычных слов в конце XX – начале XXI в., обусловленное, по ее мнению, появлением «электронной формы речи» и разговорных электронных жанров [Маринова 2012: 208]. По нашим наблюдениям, подобное явление присутствует и в хорватском языке, как подтверждает и А. Николич-Хойт, подчеркивая широкое распространение орфографических и графических вариантов заимствований английского происхождения в хорватском языке. По словам Николич-Хойт, с одной стороны, основной формой англицизма считается более интегрированный вариант; с другой стороны, постоянное возникновение вариантов, сохраняющих характеристики языка-источника как на фонетическом, так и на графическом уровнях, объясняется прежде всего высоким престижем, которым пользуются английский язык и английская культура в мире [Nikolić-Hoyt 2005: 191]. Ср.: русск.

имейл / *е-мейл* / *э-мэйл* (< англ. e-mail) и хорв. *updatati* / *updejtati* / *apdejtati* (< англ. to update). В процессе грамматического освоения происходит подчинение чужого слова правилам грамматики заимствующего языка. Иноязычные слова включаются в морфологическую систему языка-реципиента, получая соответствующие грамматические категории. В результате семантического освоения иноязычное слово входит в систему понятий принимающего языка.

Одним из важнейших признаков степени освоения заимствованных слов является возникновение словообразовательных дериватов, которые квалифицируются как исконные единицы языка-реципиента, так как для их создания используются те же самые словообразовательные средства, что и для создания дериватов от исконных слов. Отмечая влияние на деривационный потенциал слова таких факторов, как его употребительность, стилистическая окрашенность, широта сочетаемости слова и прагматика (связь семантики слова с деятельностью человека), Е. А. Земская утверждает, что «словообразовательный потенциал шире у слов высокоупотребительных, чем у слов малоупотребительных; у слов нейтральных, чем у слов стилистически окрашенных; у слов, обладающих широкой сочетаемостью, чем у слов обладающих ограниченной сочетаемостью; у слов, относящихся к целенаправленной деятельности человека, к сферам, важным для жизни человека, чем у слов, называющих явления другого рода» [Земская 2003: 411]. Словообразовательная активность иноязычного лексического элемента, его способность служить базой для создания производных слов с помощью аффиксов заимствующего языка является одним из показателей укоренения заимствования в этом языке. Эти показатели – фонетическое и графическое освоение заимствования, включение его в систему грамматических форм, стабилизация лексического значения, более или менее широкая и, главное, регулярная употребляемость в речи – в совокупности составляют условия полной адаптации иноязычного слова в языке-реципиенте.

Именно поэтому наибольшие словообразовательные возможности – у существительных английского происхождения с основой на согласный звук. Они легко образуют относительные имена прилагательные при помощи суффиксов *-н-*, *-ов-/ев-*, *-ск-*, *-овск-/евск-* в русском языке и *-н-*, *-sk-*, *-ovsk-/evsk-* в хорватском, например: русск. *фейсбучный* < *Фейсбук* (англ. Facebook), *хейтерский* < *хейтер* (англ. hater), *шопинговый* < *шопинг* (англ. shopping) и хорв. *gejmerski* < *gejmer* (англ. gamer), *blogovski* < *blog* (англ. blog). Ср.:

Со сценаристом Павлом Лукьяновым и оператором Олегом Шуваевым приступаем к раскадровкам драмы «Невеста с автомобилем», которая может оказаться настоящей **фейсбушной** историей, похлеще страшилок Финчера и фантазий Линча. [Новая газета, 15.04.2012]

В одном блоге я прочитала, как мужчина понял, что он каждую свободную минуту тратит, чтобы писать пассивно-агрессивные и **хейтерские** комментарии в интернете, а по выходным зависает с такими же хейтерами и они вместе атакуют разных девушек в инстаграмме. [forum.cofe.ru, 20.03.2019]²

У меня сейчас было короткое **шопинговое** приключение. [forum.cofe.ru, 11.04.2019]

Koji je najbolji **gejmerski** miš za igranje MMO igara? [Večernji list 21.05.2015]

Osvrnuvši se na, kako je naveo, **blogovska** prepucavanja i medijske špekulacije, smatra ih prije svega nepristojnima. [Glas Slavonije 05.10.2017]

В обоих языках происходит постоянное пополнение группы агентивных существительных, мотивированных лексемами английского происхождения с основой на согласный звук. В образовании наименований лиц особенно продуктивны русские суффиксы **-ник-**, **-щик-**, **-ец-**, **-анин-**, например: русск. **фейсбучник**, **фейсбучанин** < **Фейсбук**, **инстаграмщик** < **Инстаграм** (англ. Instagram), **твиттерец** < **Твиттер** (англ. Twitter). Ср.:

Первый «Фейсбук» – записи томных барышень в альбомы. Первый «Фейсбук» – мужская игра в домино во дворе. Первый «Фейсбук» – жизнь в бараках и готовка еды на примусах. Наконец, первый «Фейсбук» – это «Голос Америки» из Вашингтона на коротких волнах. Настоящие **фейсбучники** под страхом казни крутили ручки метрового диапазона на кухнях хрущёвок и развешивали провода антенн, слушая свист глушилок! [novayagazeta.ru, 16. 04. 2012];

Российские **инстаграмщики** теперь пускают пыль в глаза, делая вид, будто летают на частном самолете. [maximonline.ru, 10.05.2019]

Битва **твиттерцев** с **фейсбуччанами**. Как пользователи соцсетей ополчились друг на друга. [news.rambler.ru, 18.06.2019]

В хорватском языке существительные, обозначающие лиц мужского пола, часто образуются при помощи суффиксов **-aš-**, **-ovac/-evac-**, например: **Brexitaš** < **Brexit** (англ. Brexit), **Fejsbukovac** < **Facebook**. Ср.:

² Все примеры из Интернета приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

*Naravno da ima **Brexitaša** koji su uvjereni da će „ponovo neovisna“ Velika Britanija ponovo biti velika i moćna, nesputana prigovaranjem „malih Europljana“.* [metro-portal.hr, 19.05.2019]

***Fejsbukovac** analizirao rad Vlade. U 91 dan imenovali 435 dužnosnika, ali donijeli samo 7 novih zakona.* [Jutarnji list 23.04.2016]

В обоих языках заимствованные из английского языка основы на согласный звук могут служить базой для образования слов с модификационным значением суффикса, т. е. обозначающих видоизменение одного и того же объекта с включением в семантику производного дополнительного смыслового (коннотативного) компонента. К модификационным традиционно относятся значения женскости, незрелости, подобия, собирательности, единичности, субъективной оценки и т. п. [РГ 1980: 183]. Среди инноваций-существительных следует выделить номинации лиц женского пола, образованные при помощи русского суффикса *-ш(a)* и хорватского *-uš(a)* и в обоих языках отличающиеся пренебрежительной экспрессивной окраской, например: русск. *блогерша* < *блогер* 'автор блога', *дизайнерша* < *дизайнер* (англ. *designer*), *голддиггерша* < *голддиггер* (англ. *gold-digger*) и хорв. *sponzoruša* < *sponzor* (англ. *sponsor*), *eventuša* < *event* (англ. *event*), *piaruša* < *PR* (англ. *Public relations*). Ср.:

*Обсуждаемая тетка **блогерша** явно вещи на показ берет. Демонстрирует за деньги. Рекламирует. Впрочем как и все. Такой бизнес.* [forum.cofe.ru, 12.04.2019]

*«Тупые лузеры»: модная **дизайнерша** обвинила ждущих пенсии россиян.* [Комсомольская правда 11.07.2018]

*Как только в России появились олигархи, так сразу же началось и движение **голддиггерш**. Они не стесняются клейма содержанок, на упреки отвечают: «Завидуйте молча!» Их главная цель – стать богатыми, ничего для этого не деля, а значит, завладеть чужим кошельком.* [sobesednik.ru, 11.06.2019]

*Da su žene naprednija bića, dokazuje superbrza evolucija koju su prošle zadnjih godina. Muškarci su i dalje seljačine, idioti, mačo frajeri, tetkice i niškoristi kakvi su bili i u prošlom stoljeću i u paleozoiku. S druge strane, slabiji nam je spol ponudio sasvim novi sezonski katalog. Možemo birati između posvuduša, koferuša, **sponzoruša**, **eventuša**, ručkaruša, **piaruša**, **uvlakuša**... [tportal.hr, 07.06.2019]*

Наблюдается также производство уменьшительно-ласкательных и увеличительных существительных на базе заимствованных из английского языка основ при помощи суффиксов субъективной оценки *-ик*, *-ок*, *-ин(a)* в русском языке и *-ić*, *-čić* в хорватском, например: *бложик* <

блог (англ. blog), *лучок* < жаргонное *лук* ‘внешность, вид’ (англ. look), *девайсина* < *девайс* (англ. device), *hardverić* < *hardver* (англ. hardware), *hipsterčić* < *hipster* (англ. hipster). Ср.:

Но речь как раз о том, чтобы не навязывать свою точку зрения другим и не устраивать истерик в бложниках. [forum.cofe.ru, 18.06.2019];

Спортивный лучок с красной чебурашкой. Забыла сфоткаться на прогулке, пришлось в зеркале. [club443.ru, 22.03.2019];

Эта девайсина наверно только для молодой картошки с тонкой кожей. Картошку с толстой или даже средней толщины кожей она наверно не почистит. [forum.cofe.ru, 29.04.2019];

Vaga važe, baba više, dođi kupi hardveriće. [Bug 2013, № 248-249]³

*To da radnik zabrije da kapital i rad uvijek i u svakom momentu „misle kao jedan“ je teška prevara, koju može popiti samo zadojena self-illusio-
ned spaljevina. Prirodno radnik to nikada ne misli. To misle samo suvre-
meni hipsterčići po uredima...* [forum.hr, 13.06.2019]

В обоих исследуемых языках активно также образование глаголов, мотивированных англицизмами, путем присоединения к заимствованной основе исконно славянских суффиксов, например, *-и(ть)*, *-ова(ть)* в русском языке и *-a(ti)* в хорватском: *бойфрендить* < *бойфренд* (англ. boyfriend), *фриковать* < *фрик* (англ. freak), *флиртовать* < *флирт* (англ. flirt), *linkati* < *link* (англ. link), *fejspalmati* < *fejspalm* (англ. facepalm).⁴ Ср.:

Визионер, оказывается, бойфрендит Ингеборгу. [forum.cofe.ru, 22.04.2019]

Как фриковать, ну, тоисть, одеваться на зависть всем в модной теме и флиртовать с аборигенами в поездках, так мадам молода и прекрасна. Как работать, так стара и больна. [forum.cofe.ru, 03.05.2019]

Ovo zvuči kao da ti rezultate istraživanja koje si linkala interpretiraš na način da je tih ‘muških’ 7 sati opravdano i razumno, a ovo ‘žensko’ udvostručenje be-

³ В данном примере обыгрываются строки из песни хорватской хип-хоп группы „Kiša metaka“, ср.: *Vaga važe, baba više, dođi kupi krumpiriće*. Экспрессивный окказионализм *hardveriće* в составе трансформированного прецедентного текста образован путем присоединения к англицизму *hardver* хорватского уменьшительно-ласкательного суффикса *-ić*.

⁴ *Facepalm* (от англ. face ‘лицо’ + palm ‘ладонь’) – ‘лицо, закрытое одной рукой’. В интернетном жаргоне слово используется для выражения разочарования, уныния, раздражения.

spotrebni posao koji su si žene nabacile da mogu biti patnice koje više rade.
[forum.hr, 11.03.2019]

*Ma samo **fejspalnam** što ne možeš pratiti tok rasprave, nema veze.*
[forum.hr, 09.07.2019].

Следует отметить активизацию суффиксально-префиксального образования глаголов, например: *отфотошопить* < разговорное название графического редактора *фотошоп* (англ. Photoshop), *proguglati* < *Google* (англ. Google⁵). Ср.:

*Фотограф спровоцировал подростков **отфотошопить** селфи для Instagram и ужаснулся.* [lenta.ru, 02.06.2019]

*Željeli mi to priznati ili ne, svi na Facebooku ili kojoj drugoj društvenoj mreži imamo prijatelje koji nas izluđuju. Sigurno ih znate: objavljuju zagonetne statuse tražeći pažnju, pitaju stvari koje su i sami mogli **proguglati**, naslikavaju se sa svojom boljom polovicom predstavljajući se kao savršen par.* [Jutarnji list 21.03.2018]

Существительные английского происхождения с нетипичной для славянских языков основой на гласный звук, как правило, неактивны в словообразовательном отношении. Однако частотность употребления подобных заимствований может оказать определяющее влияние на степень их словообразовательной активности. Обозначая «явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 2000: 92], они становятся ключевыми словами текущего момента и могут активно включаться в процессы словообразования, порождая «новые группы однокоренных слов (словообразовательные парадигмы и гнезда)» [ibid.]. В качестве примера можно привести русский англицизм *селфи* (< англ. selfie) и хорватский *parti* (< англ. party).

Существительное английского происхождения *селфи*, употребляющееся в значении ‘автопортретная фотография, обычно снятая на мобильный телефон или фотокамеру’, служит базой для производства окказионализмов, образованных путем аффиксации (глаголы *селфиться*, *отселфить* и др.; существительное *антиселфи*) и сложения (*селфи-палка*). Ср.:

⁵ Популярность поисковой системы *Google*, принадлежащей корпорации Google Inc., привела к появлению в английском языке неологизма *to google* или *to Google* (аналог в русском языке – *гуглить*, в хорватском – *guglati*), использующегося для обозначения поиска информации в Интернете с помощью *Google*. Именно с таким определением глагол зафиксирован в Оксфордском словаре английского языка. Однако примеры употребления данного глагола в английском и других языках свидетельствуют о расширении первоначального значения: глагол может обозначать и поиск в Интернете при помощи любой поисковой системы.

Депутаты «селфились» во время голосования по пенсионной реформе. [sobesednik.ru, 27.09.2018]

*Какие интересы у большинства молодых от четырнадцати лет? Мы видим сами: соцсети и прогулки, чтоб в очередной раз **отселфить** себя.* [st-vedomosti.ru, 15.08.2017]

*Если селфи – это фото лица, то **антиселфи** – его отсутствие. А как можно сделать так, чтобы его не было видно? Лечь лицом в пол или землю!* [nastroy.net, 02.06.2019]

*Свершилось! Дизайнеры изобрели сапоги с **селфи-палкой**.* [metronews.ru, 03.07.2019]

Хорватский англицизм *partí* ‘званный вечер, обед в компании; вечеринка’, имеющий разговорную окраску, является вершиной словообразовательного гнезда, в которое входит целый ряд производных слов, в том числе глагол *partijati*, отвлеченное существительное *partijanje*, агентив *partijaner* и др. Ср.:

*Počínje najljudi tulum u Hrvatskoj: tisuće ovih će dana **partijati** na festivalu psihodelične glazbe.* [rtl.hr, 17.05.2019];

*Sportski objekti traže 1,55 milijuna kuna za „**partijanje**“ u Parku mladeži.* [Slobodna Dalmacija 26.06.2019];

***Partijaneri** na Zrću se masovno „šopaju“ plinom smijavcem.* [Jutarnji list 04.07.2019]

В обоих языках в качестве производящих основ могут выступать не только графически ассимилированные англицизмы, но и слова, сохраняющие исконное графическое оформление. Е. И. Коряковцева для их обозначения предлагает термин «трансплантанты» [Коряковцева 2018: 18]. В текстах интернет-коммуникации на хорватском языке достаточно активно происходит образование окказиональных глаголов и существительных на базе английских лексем, ср.:

*Internet **gadgetarije** za putovanja.* [forum.hr, 14.02.2019]

*Vitlam kosom dok pričam s njime i trepćem okicama nadajući da će primjetiti da mi se sviđa, a ako me ne poljubi onda se vječno ljutim na njega i odlučim ga **friendzoneati**.* [forum.hr, 09.03.2019]

*Malo **browsaš** profile i kada nađeš neku curu koja ti se sviđa samo <...> počni **chatat** sa njom...* [forum.hr, 15.03.2019]

Для русского языка более характерно включение в деривационные процессы английских аббревиатур, к которым могут присоединяться исконно русские аффиксы, например:

PRщик есть в каждом. [eclectic-magazine.ru, 06.06.2019]

Мой **GPSик** отказался проложить маршрут, сославшись на отсутствие дорог. [nn.ru, 17.07.2019]

Особенно активно происходит образование композитов с английской аббревиатурой в качестве первой части сложного слова, в то время как вторая часть сложения является исконно русским существительным, ср:

SMS-знакомство обернулось неприятностями. [55-мвд.рф, 11.03.2019]

VIP-страх: что пугает политиков и знаменитостей? [АиФ 2016, № 3]

В русском языке англицизмы принимают активное участие в словосложении. Особенно многочисленны примеры окказиональных композитов с элементами интернационального характера: *интернет-*, *бизнес-*, *топ-*, *онлайн-* и подобными, например:

Три самых распространенных способа **интернет-мошенничества**. Рынок электронных платежей в России растет примерно на 30 процентов ежегодно, и вместе с ним увеличивается число **интернет-махинаций**. [rg.ru, 04.02. 2015]

Бизнес-сообщество выступает за активное участие москвичей в выборах президента. [Московский комсомолец 24.01.2018]

Стэн Вавринка: Медведев уже игрок **топ-уровня**. [sovsport.ru, 04.09.2019]

Подобные окказионализмы свидетельствуют о продвижении словообразования русского языка в сторону аналитизма, проявляющегося в тенденции несклоняемости первой части сложного слова [Костомаров 1994: 159]. По нашим наблюдениям, в хорватском языке процесс образования сложносоставных слов с интернационализмами-англицизмами менее продуктивен, чем в русском. Гораздо более широкое употребление получают словосочетания, состоящие из английской по происхождению лексики и исконно хорватского существительного.

В текстах СМИ и интернет-коммуникации на русском и хорватском языках англицизмы разной степени освоенности в языке-реципиенте могут участвовать в производстве новообразований нестандартными способами. Достаточно широко распространены графические дериваты, оформленные при помощи графических средств одного или нескольких языков, среди которых следует упомянуть незуальное чередование строчных и прописных букв, использование знаков препинания (скобок, кавычек, дефиса), использование букв разных алфавитов и т.п., например:

ХороШОУ, все будет хороШОУ! [Комсомольская правда 16.11.2013]

PRузраки войны. [Новая газета 30.05.2014]

B(I)ogovski recepti. [forum.hr, 09.02.2019]

В обоих исследуемых языках продуктивно производство контаминированных новообразований, созданных с использованием англицизма в качестве одной из частей контаминации. Подобные окказионализмы возникают в результате объединения полных и/или усеченных основ узуальных лексем, нередко сопровождаемого наложением омонимичных компонентов исходных слов, например:

Городской пиарламент. *Выборы в Мосгордуму: кандидаты готовы подкладывать гвозди в ботинки конкурентам.* [Московский комсомолец 09.07.2014] (*пиар* + *парламент* = *пиарламент*)

Тулузеры. *Вчера сборная России с позором покинула Евро после разгрома от Уэльса.* [Спорт-Экспресс 21.06.2016] (*Тулуза* + *лузеры* = *Тулузеры*)

Moja 5. blogodina – 17. 1. 2007.–17. 1. 2012. – izvan EU. [blog.vecernji.hr, 08.05.2019] (*blog* ‘блог’ + *godina* ‘год’ = *blogodina*)

Pravi džentlmačor zna kako opustiti svoju ljubljenu nakon napornog radnog tjedna. [index.hr, 19.06.2019] (*džentlmen* ‘джентльмен’ + *mačor* ‘котяра’ = *džentlmačor*)

Изучение русских и хорватских окказионализмов показывает, что в обоих языках создание новообразований, мотивированных английскими по происхождению словами, может осуществляться как узуальными, так и неuzuальными способами. Наиболее распространенным узуальным способом образования новых слов на базе лексем английского происхождения в текстах СМИ и в интернет-коммуникации в обоих языках является суффиксация, а в русском языке весьма продуктивно аналитическое словосложение. Англицизмы также широко используются при производстве окказионализмов, созданных неuzuальными способами, среди которых наиболее продуктивными в обоих славянских языках являются графодеривация и контаминация.

Анализ конкретного языкового материала позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе словообразовательная адаптация заимствований имеет ускоренный характер. В обоих языках английские лексем, демонстрирующие разную степень вхождения в язык-реципиент, реализуют значительный словообразовательный потенциал в многочисленных дериватах. Степень словообразовательной активности англицизма обусловлена, в первую очередь, экстралингвистическими факторами: актуальностью обозначаемого явления в жизни

общества и, в силу этого, частотностью употребления заимствования из английского языка и его дериватов в языке СМИ и интернет-коммуникации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ЗЕМСКАЯ, Е. (2000): Активные процессы современного словопроизводства. In: Е. Земская (ed.): *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, с. 90–142.
- ЗЕМСКАЯ, Е. (2003): Словообразование. In: В. Белошапкова (ed.): *Современный русский язык*. Москва: Азбуковник, с. 286–441.
- КАБАКЧИ, В. (2011): Глобализация, «глобанглизация» или вторая волна билингвизма в России. In: В. Шадрин (ed.): *Университетское переводоведение: сборник статей. Вып. 11: материалы XI международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 20–23 октября 2010 г.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, с. 177–186.
- КОРЯКОВЦЕВА, Е. (2009): Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса. In: Е. Koriakowcewa (ed.): *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, s. 179–200.
- КОРЯКОВЦЕВА, Е. (2018): Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект). In: Е. Koriakowcewa (ed.): *Globalizacja a języki słowiańskie*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, s. 13–32.
- КОСТОМАРОВ, В. (1994): *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс.
- МАРИНОВА, Е. (2012): *Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие*. Москва: ФЛИНТА: Наука.
- РАЦИБУРСКАЯ, Л. (2015): Актуальные процессы в словообразовании русского и других славянских языков. *Acta Polono-Ruthenica XX*, 2015, s. 237–246.
- РГ (1980): *Русская грамматика*. Т. 1. Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Москва: Наука.
- NIKOLIĆ-HOYT, A. (2005): Hrvatski u dodiru s engleskim jezikom. In: L. Sočanac – O. Žagar-Szentesi – D. Dragičević – A. Menac – A. Nikolić-Hoyt (eds.): *Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima. Prilogodba posuđenica*. Zagreb: Nakladni zavod Globus, s. 179–205.

Профили авторов:

Ника Зоричич

аспирантка в области гуманитарных наук Задарского университета (Хорватия).
Ассистент отделения русистики Бергамского университета (Италия).

Сфера научных интересов: изучение русского языка в сопоставлении с хорватским языком, теория заимствования, словообразование, неология, язык СМИ и интернет-коммуникации.

Università degli studi di Bergamo

Dipartimento di Lingue, letterature e culture straniere

Piazza Rosate, 2

24129 Bergamo (BG), Italia

<https://dllcs.unibg.it/it>

nika.zoricic@unibg.it

Радченко Марина Васильевна

доктор филологических наук, профессор отделения русистики Задарского университета (Хорватия)

Сфера научных интересов: изучение русского языка в сопоставлении с хорватским языком, теория заимствования, словообразование, лексикология, неология, язык СМИ, языковая игра.

Sveučilište u Zadru

Odjel za rusistiku

Obala kralja Petra Krešimira IV, br. 2

HR-23 000, ZADAR

<http://www.unizd.hr/ruski>

radcenko@net.hr

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НИЧИПОРЧИК

Беларусь, Гомель

**МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ
КАРТИНАХ МИРА, ИЛИ ПАРЕМИОГРАФИЧЕСКОЕ
РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ
«МОРАЛЬ»**

ABSTRACT:

Moral values in paroemiological worldviews, or a paroemiological solution to the question concerning the content of notion “morality”

The problem of definition of the notion “morality” content is considered based on the data of paroemiological dictionaries composed in accordance with a topical principle. The author of the paper comes to the conclusion that the strategies which are chosen by paroemiographers for topical differentiation of proverbs reflect the different understanding of morality. The content of the notion “morality” is reduced when the morality-related proverbs are grouped in a separate topical section. The morality is presented as a notion underlying all areas of human life and activity in dictionaries where proverbs considering virtues and vices are presented in various topical sections, as well as in dictionaries with a single-level topical differentiation of proverbs. The analysis of several European paroemiological dictionaries revealed the equivalence of axiologically marked human traits in the worldviews created by common mindset, which speaks for the unanimity of representatives of various ethnic groups while considering the question of values determined by the dichotomy of good and evil.

KEY WORDS:

Notion – morality – value – proverb – paroemiological worldview – paroemiological dictionary – structure – topical section – topical group – virtue – vice.

Решение вопроса о содержании понятия «мораль», дискутируемого на протяжении всей истории развития философской мысли, не явля-

ется собственно лингвистической проблемой, тем не менее обращение к этому вопросу представляется необходимым и для лингвиста в силу того, что это понятие – одно из ключевых в исследованиях, посвященных изучению паремиологических картин мира.

Паремиологические картины мира, как известно, представляют собой антропоцентрическое видение мира через призму обыденного сознания. Обыденная философия, выраженная в значениях паремиологических единиц, – это философия практического характера [Носович 1874: III; Арутюнова 1999: 616–617]. Она, по мнению Ю. Д. Апресяна, «навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 38–39], а следовательно, является механизмом культуры, упорядочивающим жизнь человека подобно естественному праву, именуемому моралью.

Вряд ли в науках социогуманитарного цикла можно найти столь диффузное и лишенное четких границ понятие, каким является понятие «мораль». Среди ученых наблюдаются разногласия в определении сущности, источников и функций морали [Апресян 2001: 275–282], кроме того, оспаривается даже ценностная значимость морали в ее некоторых конкретных воплощениях.¹

Мораль трактуется, прежде всего, как форма императивности – то, что ассоциируется с понятием «должное» и касается нравов [Апресян 2001: 277–278]. Должное вменяется «извне» (общество обязывает личностей следовать выработанным социумом правилам) и / или исходит «изнутри» (личность, интериоризирующая ценности общества, руководствуется внутренним стремлением соответствовать образцу). В качестве определенной платформы для выработки представлений о должном (о должном поведении человека, о должном укладе общественной жизни) выступают идеалы. Идеалы подвижны, и смысложизненные ориентиры в разное время трактовались по-разному: это и удовольствие, и счастье, и польза, и общее благо, и др. [Апресян 2001: 276; Арутюнова 1999: 133–152]. В современных интерпретациях идеалы морали определяются как сфера ценностей, задаваемая дихотомией добра и зла [Апресян 2001: 280]. Эта сфера, однако, оказывается в той же мере нечеткой в своих границах, в какой абстрактны сами категории «добро» и «зло», генетически восходящие к античным понятиям добродетели и порока.

¹ Нигилистическое отношение к морали выражается в трудах К. Маркса и Ф. Ницше. «Маркс и Ницше, – пишет А. А. Гусейнов, – независимо друг от друга, с разных теоретических позиций и в разной исторической перспективе приходят к одинаковому выводу, согласно которому мораль в том виде, в котором она являет себя, есть сплошной обман, лицемерие, тартюфство» [Гусейнов 2000: 7].

Еще Аристотель указывал на то, что сама по себе идея блага или чего-то другого – «пустая отвлеченность», ведь о благе говорится «во многих смыслах, в стольких же, в скольких и о бытии» [Аристотель 2005: 23]. Конкретизация ценностей морали и свода практических регламентов, отражающих изменяющееся во времени содержание нравственности, может быть достигнута, на наш взгляд, путем обращения к временным и пространственным локациям морали, частным этикам, сформированным в том или ином культурном сообществе. В данном случае принимается во внимание узкая трактовка этики:² если мораль есть способ упорядочения межличностных отношений в социуме, отличный от специальных, установленных законом институтов исправления нравов, то этика осмысливается как реализация этого способа, привязанная к конкретной культуре форма бытования морали. Таким образом, мораль является своеобразным инвариантом по отношению к реализованным в конкретных культурах ценностям естественного права, идеалам нравственности, воплощенным в выработанных тем или иным этническим сообществом нормах.

Знакомство с содержанием паремиологических словарей, составленных по тематическому принципу, делает возможным охватить «одним взглядом» всю систему этнических ценностей, аккумулированных обыденным сознанием, определить место моральных ценностей в этой системе и тем самым конкретизировать понятие морали.

По общему признанию паремиологов, структура тематически организованных паремиологических словарей является своеобразным отражением структуры ценностного сознания носителей той или иной этнической культуры. Детерминированная содержанием паремий структура национального паремиофонда в осмыслении паремиографа – это, можно сказать, субъективная форма объективной данности, «интерпретация» паремиологической картины мира, подчиненная той или иной стратегии составления словаря. В этой интерпретации может проявиться стремление как к максимально обобщенному отражению отношений, лежащих в основе системности паремий, так и, напротив, к максимально конкретизированному отражению внутренних связей, которыми стянуты паремии в единое целое; словарь может составлять-

² Философы по-разному определяют соотношение терминов «этика» и «мораль». По мнению ряда исследователей, сложившаяся в общественных науках традиция понимания под этикой по преимуществу области знания, а под моралью (или нравственностью) – её предмета в общественном опыте и обыденном языке пока не закрепились [Гусейнов, Можейко, Севостьянова 2019]. В «Большом толковом словаре по культурологии» отмечается фиксация термина «этика» в узком смысле – «система норм нравственного поведения человека, какой-либо общественной или профессиональной группы» [Кононенко 2019].

ся с установкой на полноту репрезентации сокровищницы национального паремифонда или, напротив, с установкой на высвечивание отдельных фрагментов паремиологической картины мира.

Обратимся к нескольким тематически организованным разноязычным паремиологическим словарям с целью определения, каким же образом интерпретируется составителями словарей понятие «мораль» и в каких категориях она конкретизируется.

Начнем с анализа словаря силезских пословиц Карла Ротера [Rother 1927] как словаря с наиболее высокой степенью абстракции на первом уровне тематического членения.

Автор словаря дифференцирует три основные сферы паремиологической концептуализации: I. Die Natur (Природа); II. Der Mensch (Человек) и III. Die menschliche Gemeinschaft (Человеческое сообщество). Каждый из крупных тематических блоков, представляющих данные сферы, характеризуется внутренним членением на частные темы. В приведенном ниже перечне тем отражены все уровни тематического членения, кроме последнего.

I. Die Natur (Природа)

II. Der Mensch (Человек)

A. Der menschliche Körper (Тело человека)

B. Der menschliche Geist (Дух человека)

a) Das Erkenntnisleben (Познавательная жизнь)

1. Das Denken (Мышление)

2. Das Sprechen (Речь)

b) Das Gefühlsleben (Эмоциональная жизнь)

1. Allgemeine Gefühle (Общие чувства)

2. Höhere Gefühle (Высокие чувства)

a) Wahrheit (Правда)

b) Sittlichkeit (Нравственность)

1. Selbstgefühl (Самосознание)

2. Soziales Gefühl (Социальное чувство)

3. Rechtsgefühl (Правосознание)

4. Religiöses Gefühl (Религиозное чувство)

c) Das Willensleben (Воля)

III. Die menschliche Gemeinschaft (Человеческое сообщество)

A. Die Familie (Семья)

B. Nachbarschaft (Добрососедские отношения)

C. Wirtschaftliches (Хозяйственность)

D. Stände (Положение)

В выделении трех фрагментов в паремиологической картине мира можно усматривать, скорее всего, очень дальние отголоски античной традиции трехчастного деления философского знания на физику, логику и этику [Гусейнов 2000: 10]. Такая традиция, по наблюдениям паремиографов В. Боджоне и Л. Массобрио, прослеживается в большинстве итальянских паремиологических собраний: материал разделяется на три основные части: «mondo naturale» (природный мир), «mondo umano» (мир человека), «mondo morale» (мир морали) [Boggione 2007: XXXIV].

Следуя традициям античной и средневековой философской мысли при осмыслении структуры паремиопространства, К. Ротер в первую очередь пытается развести материальное и идеальное, телесное и духовное в бытии и природе человека. Примечательно, что место, которое отводится нравственности в общей системе ценностных категорий, указывает на то, что моральные ценности понимаются составителем словаря как «переживаемые» идеалы и относятся к сфере чувств индивидов. Интересна предлагаемая К. Ротером и тоже, по всей видимости, перекликающаяся с античной философией трехчастная трактовка души человека:³ проявление человеческого духа К. Ротер видит в познавательной, эмоциональной и волевой составляющей структуры личности. Такая трактовка души человека согласуется с современными представлениями о структуре ценностных ориентаций человека, с дифференциацией (восходящей к идеям Л. Ланге, Д. Н. Узнадзе) в структуре диспозиций личности когнитивного, аффективного и волевого начал [Булышко 1998: 654; Сурина 2005: 163].

Нравственность, по К. Ротеру, прежде всего, как бы «замыкается» на самом человеке, представляя интравертное «переживание» – благо «для себя». Тематический раздел «Sittlichkeit» (Нравственность) входит в тематический блок «Der Mensch» (Человек), а не в блок «Die menschliche Gemeinschaft» (Человеческое сообщество). Отдельную

³ Идея трехчастного деления души (рассчитывающая, яростная и вожделеющая части души) находит отражение в философии Платона и получает развитие в трактате «Περὶ ἀρετῶν καὶ κακῶν» (лат. «De virtutibus et vitiis» (О добродетелях и пороках)), авторство которого в настоящее время является предметом дискуссий (подробнее об этом [Санжеников 2016: 756–763]).

рубрику в тематическом разделе «Sittlichkeit» (Нравственность) составляют паремии, раскрывающие понятие «Selbstgefühl» (Самосознание). Сюда включены паремии, представляющие тематические объединения: «Ehre» (Честь), «Bescheidenheit» (Скромность), «Mut» (Мужество), «Selbstbewusstsein» (Чувство собственного достоинства), «Hochmut» (Высокомерие), «Dünkel» (Самомнение), «Prahlerie» (Хвастовство). В то же время мораль явно интерпретируется и как экстравертное «переживание» – благо для других (в строгом научном определении – «система взаимных обязательств, которые люди как граждане одного сообщества берут на себя с целью поддержания целостности социума и справедливого удовлетворения интересов каждого» [Апресян 2001:277]), так как в тематический раздел «Sittlichkeit» (Нравственность) включаются также паремии, образующие рубрику «Soziales Gefühl» (Социальное чувство). Частные тематические объединения, представляющие эту рубрику таковы: «Freigebigkeit» (Щедрость), «Mitgefühl» (Сострадание), «Rat» (Совет), «Trost» (Утешение), «Gunst» (Благосклонность), «Nachgibigkeit» (Уступчивость), «Schmeichelei» (Лесть), «Grobheit» (Грубость), «Schadenfreude» (Злорадство), «Neid» (Зависть) и др.

И, наконец, в осмыслении структуры словаря его составителем проявилось еще одно философское положение – о «пересечении» ценностей естественного права (самоценных моральных действий) с ценностями, вменяемыми церковными и гражданскими законами [Апресян 2001: 278]. Как видно из приведенной выше таблицы, в раздел «Sittlichkeit» (Нравственность) включена также тематическая рубрика «Rechtsgefühl» (Правосознание) – с частными тематическими объединениями «Recht und Gerechtigkeit» (Закон и Справедливость), «Versprechen» (Обещание), «Diebstahl» (Воровство), «Betrug» (Мошенничество), «Bestechung» (Взятничество), «Tücke» (Коварство) – и тематическая рубрика «Religiöses Gefühl» (Религиозное чувство) с частными тематическими объединениями «Gott» (Бог), «Heilige» (Святой), «Frömmigkeit» (Благочестие), «Glaube» (Вера), Суеверие, «Tugend» (Добродетель), «Geduld» (Терпение), «Gewissen» (Совесь) и др.

Обращает на себя внимание то, что некоторые ценности, лежащие в основе норм, регулирующих совершение социального взаимодействия, и традиционно определяемые как моральные, оказались выведенными за рамки понятийного содержания нравственности. Так, третий крупный тематический блок паремий, названный «Die menschliche Gemeinschaft» (Человеческое сообщество), включает паремии на тему семьи, добрососедских отношений, хозяйственности. «За пределами»

категорий нравственности, по К. Ротеру, остаются такие социальные ценности, как любовь, дружба (по Аристотелю, дружба является одной из человеческих добродетелей), а также поведенческие стереотипы, которые имеют отношение к утилитарным потребностям человека («утилитарному» благу или злу): бережливость, корыстолюбие, скупость, расточительство. Все эти категории нашли отражение в названиях частных тематических объединений, входящих в разные тематические рубрики, образующие блок паремий на тему «Die menschliche Gemeinschaft» (Человеческое сообщество).

Если соотнести все названные в словаре К. Ротера моральные ценности и их антиподы (концептуализированные как человеческие пороки) в частных тематических объединениях паремий, представляющих духовное начало в человеке, с добродетелями и пороками, которые описаны Аристотелем в «Евдемовой этике» [Аристотель 2005], то мы обнаружим совпадения многих этических категорий. Так, Аристотель, трактовавший добродетель как «меру, “золотую середину” между двумя крайностями – избытком и недостатком» [Апресян 2017], «середину между пороками чрезмерности и недостаточности того качества, которое олицетворяет добродетель» [Аристотель 2019], к добродетелям относит кротость, мужество, скромность, благоразумие, неравнодушие, справедливость, щедрость, правдивость, дружелюбие, чувство собственного достоинства (честь), выносливость, великодушие, рассудительность [Аристотель 2005: 38–39]. Пороками Аристотель считает бесчувственность и вспыльчивость, робость и бесстыдство, безразличие и невоздержанность, скупость и мотовство, высокомерие и подхалимство, крайний аскетизм и изнеженность, мелочность и расточительность, бестолковость и хитрость и др. [Аристотель 2005: 38–39].

Так же, как и Аристотель, К. Ротер дифференцирует добродетели ума и добродетели характера,⁴ причем тематический раздел «Das Erkenntnisleben» (Познавательная жизнь) обнаруживает только 2 уровня членения, а раздел «Das Gefühlsleben» (Эмоциональная жизнь) имеет самое большое число уровней тематического членения, и наиболее глубокая ступень тематической дифференциации паремий отмечается в разделе «Sittlichkeit» (Нравственность).

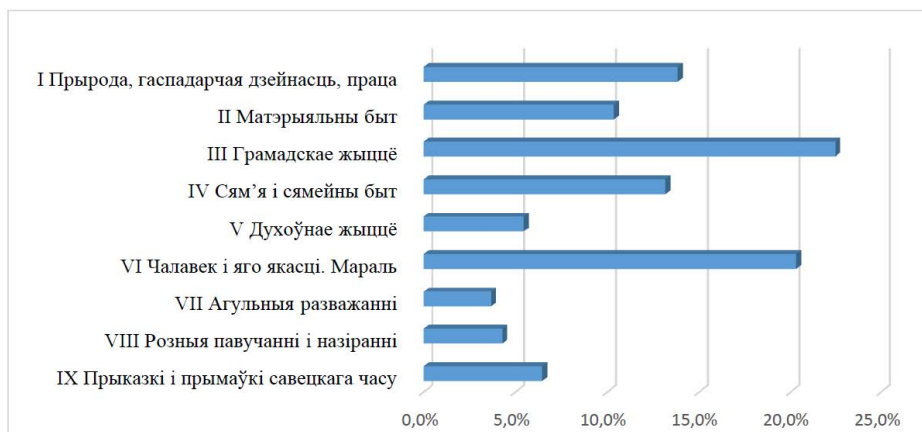
Есть и другие тематически организованные словари европейских паремий, обнаруживающие выделение в отдельный тематический блок паремий о морали, человеческих пороках и добродетелях. Это, к при-

⁴ О делении добродетелей на дианоэтические (интеллектуальные) и этические (нравственные) Аристотель говорит в «Никомаховой этике» [Аристотель 2019] и в «Евдемовой этике» [Аристотель 2005].

меру, составленный М. Я. Гринблатом двухтомный словарь белорусских паремий «Прыказкі і прымаўкі» [Грынблат 1976].

В словаре М. Я. Гринבלата 9 крупных тематических блоков: I. Прырода, гаспадарчая дзейнасць, праца; II. Матэрыяльны быт; III. Грамадскае жыццё; IV. Сям'я і сямейны быт; V. Духоўнае жыццё; VI. Чалавек і яго якасці. Мараль; VII. Агульныя разважанні; VIII. Розныя павучанні і назіранні; последний тематический блок в словаре М. Я. Гринבלата специфичен – IX. Прыказкі і прымаўкі савецкага часу. Как видно из диаграммы, приведенной ниже (см. Диаграмма 1), тематический блок о человеке как носителе достоинств и недостатков (это шестой блок «Чалавек і яго якасці. Мараль») является одним из наиболее объемных по количеству представляющих его единиц.

Диаграмма 1 – Тематическое членение и объем тематических блоков в словаре белорусских паремий (сост. М. Я. Гринблат)

В словаре М. Я. Гринבלата, так же как и словаре К. Ротера, пословицы о семье и, соответственно, внутрисемейных отношениях, о жизни в обществе – дружеских, враждебных, соседских отношениях, – составляют отдельные тематические блоки, то есть, по сути, эти типы социальных отношений представлены как находящиеся «вне» моральных регламентов. Такое тематическое членение не отражает последовательной реализации стратегии определения границ сферы, «задаваемой дихотомией добра и зла»: в структурировании анализируемых нами словарей эта стратегия воплощается лишь «штрихами». Так, за рамками тематического блока «Чалавек і яго якасці. Мараль» в словаре М. Я. Гринבלата оказывается тематическая группировка императивных по форме

паремий, названная составителем словаря «Маральныя павучанні» (эта группировка включена в тематический блок «Розныя павучанні і назіранні»). Для М. Я. Гринблата, по-видимому, более принципиальной задачей при структурировании словаря была дифференциация сфер жизни человека. По этой причине условно «за рамками» кодексов морали оказывается не только сфера семейных, общественных отношений, но и духовная жизнь человека, связываемая паремиографом с познавательной деятельностью и отношением человека к религии.

Прослеживаются аналогии между уже рассмотренными нами тематически организованными словарями и тематически организованным словарем итальянских паремий «Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi» В. Боджоне и Л. Массобрио [Boggione, Massobrio 2007].

В. Боджоне и Л. Массобрио дифференцируют паремии, образующие национальный паремиофонд, на 10 крупных тематических блоков, традиционно «продвигаясь» от мира природы через описание физического мира человека к миру морали и нравственности: I. La natura, il clima, le stagioni (Природа, климат, сезоны); II. L'agricoltura e l'allevamento (Сельское хозяйство и животноводство); III. Le età della vita (Возрастные периоды жизни); IV L'aspetto fisico e l'indole (Внешний вид и характер); V. La vita quotidiana (Повседневная жизнь); VI. La vita di relazione (Жизненные отношения); VII. La proprietà e l'economia (Собственность и экономика); VIII. La società, lo stato, la religione (Общество, государство, религия); IX. Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки); X. Le gioie e le miserie della vita, il destino (Радости и страдания жизни, судьба).

С понятием «мораль» непосредственно связан девятый тематический блок IX. Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки): его название указывает, что в содержании паремий этого блока находят отражение важнейшие категории морали. Именно в этом блоке есть тематические объединения, для названия которых составители словаря обращаются к терминам «добро», «добродетель», «зло», «моральное / нравственное чувство», «поведение». И именно этот блок является абсолютным лидером по количеству паремиологических единиц в словаре (см. Диаграмма 2).

Диаграмма 2 – Тематическое членение и объем тематических блоков в словаре итальянских паремий (сост. В. Боджоне и Л. Массобрио)

Как видим, в словаре В. Боджоне и Л. Массобрио, так же как и в словарях М. Я. Гринблата, К. Ротера, паремии о добродетелях и пороках человека рассматриваются отдельно от паремий о социальных (жизненных) отношениях (дружеских, любовных, соседских и др.) и правилах поведения человека в социуме. Иными словами, составители паремиологических словарей демонстрируют намерение дифференцировать человека «внутри себя» – человека как носителя тех или иных свойств характера – и человека «в социуме» – человека как носителя тех или иных типов отношений к людям. При определении человека «внутри себя» так или иначе делается акцент на понятие морали / нравственности: М. Я. Гринблат прибегает к использованию термина «мораль» в названии крупного тематического блока паремий, К. Ротер использует термин «нравственность» в названии одного из разделов тематического блока, В. Боджоне и Л. Массобрио используют соответствующие термины в названиях частных тематических объединений паремий. Анализ названий тематических объединений паремий на разных уровнях тематического членения в рассмотренных нами словарях показывает, что установление четких границ между тем, что составляет

собственно содержание морали, и тем, что к морали не имеет прямого отношения, при тематической дифференциации паремий является очень сложной задачей. Так, в словаре В. Боджоне и Л. Массобрио категории морали оказываются рассредоточенными – фиксируются в наименованиях тематических объединений, входящих в разные тематические блоки. В четвертый блок IV. *L'aspetto fisico e l'indole* (Внешность и характер), к примеру, включены тематические объединения IV.5.2.4. *Falsità, menzogna, simulazione; freddezza, insensibilità* (Лицемерие, ложь, притворство; холодность, черствость), IV 5.2.6. *Ozio, pigrizia; inclinazione al divertimento, immoralità* (Праздность, лень; склонность к веселью, безнравственность); в шестой тематический блок VI. *La vita di relazione* (Жизненные отношения) составителями словаря включена тематическая рубрика VI.9. *Regole di comportamento, buone e cattive maniere* (Правила поведения, плохие и хорошие манеры), частное тематическое объединение VI.7.1.2. *Colpe di natura morale* (Недостатки нравственной природы); в седьмой тематический блок VII *La proprietà e l'economia* (Собственность и экономика) включен тематический раздел VII.5 *Virtù e vizi connessi con il denaro* (Достоинства и недостатки, связанные с деньгами) с входящими в него тематическими объединениями VII.5.2 *Avidità, egoismo* (Жадность, эгоизм) > **IX.6.**; VII.5.3. *Carità, generosità* (Милосердие, щедрость) > **IX.7.**; VII.5.5. *Onestà / disonestà* (Честность / нечестность) > **IX. 15.** Обращаем внимание на тот факт, что некоторые из такого рода тематических объединений имеют отсылку (в иллюстрациях, приведенных выше, отсылка выделена полужирным шрифтом) к девятому тематическому блоку паремий IX. *Le virtù e i vizi, le qualità e i difetti* (Добродетели и пороки, достоинства и недостатки). Это означает, что паремии, составляющие данные тематические объединения, по своему содержанию относятся и к девятому тематическому блоку. В. Боджоне и Л. Массобрио прибегают к оправданной стратегии дублирования паремий в разных тематических блоках, в случае если в паремиях видится воплощение концептов, имеющих отношение к разным типам ценностей. Таким образом составители словаря дают понять читателю, какие именно понятийные категории позволяют связать паремии в то или иное целое, а также то, что границы между разными типами ценностей могут стираться в контексте широкого осмысления достоинств и недостатков человека.

Проанализированные здесь словари силезских, белорусских и итальянских паремий относятся к разряду тех словарей, в которых паремиологические единицы о человеческих добродетелях и пороках и, собственно, о морали вообще составляют отдельный тематический блок

с последующей внутренней дифференциацией. В других же тематических многоуровневых словарях такие тематические блоки отсутствуют. К примеру, объяснительный словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зимина, А. С. Спирина [Зимин, Спирин 2005], наряду с такими тематическими блоками, как «Общество», «Труд», «Жизнь», «Счастье», «Здоровье», «Смерть», «Еда», «Чин», «Учеба», «Женщина», «Ум – Глупость», «Свое – чужое», включает тематический блок «Человек» (это самый большой в словаре тематический блок, название которого никак не сигнализирует о том, какие именно ключевые концепты воплощены в паремиях, представляющих данный блок). В блок же входят тематические объединения паремий о разного рода чертах характера, поведенческих моделях, внешних физических данных человека. В числе таких объединений есть, например, тематические объединения, которые называются «Хороший человек в плохом коллективе», «О сходстве людей», «О достоинстве», «О никудышных людях», «Горе-человек. Горемыка», «О хвастунах», «О чести», «Отповедь нахалу», «Завидуший», «Криводушный», «Простофиля», «Добрый», «Смирный», «Драчливый», «Самодур», «Правдолюб», «О том, кто ростом мал», «Толстый и тонкий» и т.п. Как видим, в одном блоке оказываются паремии не только о духовных, но и о телесных достоинствах и недостатках человека. То же мы наблюдаем и в словаре К. Ротера: тематический блок *Der Mensch* (Человек) представляют два раздела (неравные по объему) – «*Der menschliche Körper*» (Тело человека) и «*Der menschliche Geist*» (Дух человека).

Словарь «Пословицы русского народа» В. И. Даля [Даль 1957] не является многоуровневым словарем и содержит примерно такое же количество устойчивых выражений, как и словарь итальянских паремий (более 30 тысяч выражений). В очень схематичном представлении последовательность подачи тем в собрании пословиц В. И. Даля (в словаре более 170 тематических объединений) можно определить как движение от категорий духовной жизни, категорий морали к человеку как таковому, сфере социальных отношений, утилитарным категориям и внешнему миру [Ничипорчик 2015: 92–93]. Ни одно из тематических объединений пословиц в своем словаре В. И. Даль не называет с использованием термина «мораль» или «нравственность», то есть в словаре нет соответствующего тематического объединения. Тем не менее очевидно, что в центре паремиологической картины мира, которая реконструируется В. И. Далем и находит отражение в дифференциации и последовательности подачи тем, стоит человек, и многие категории морали (моральные ценности и их антиподы) находят обозначение в названиях темати-

ческих объединений паремий: «Счастье – Удача», «Терпение – Надежда», «Добро – Милость – Зло», «Признательность», «Правда – Неправда – Ложь», «Строгость – Кротость», «Смелость – Отвага – Трусость», «Умеренность – Жадность», «Честь – Почет», «Смирение – Гордость», «Любовь – Нелюбовь», «Друг – Недруг», «Гость – Хлебосолье» и др.

Если придерживаться аристотелевской концепции добродетели, в соответствии с которой добродетель – это качество характера, проявляющееся в той или иной деятельности, и добродетелей столько, сколько можно предположить разновидностей человеческой деятельности [Апресян 2001: 281], то «стягивание» паремий о добродетелях и пороках в единый блок, именуемый с использованием термина «мораль», может показаться нерациональным. Мораль, как мы убеждаемся в результате анализа тематически организованных паремиологических словарей, «пронизывает» все сферы жизни и деятельности человека. Важен, тем не менее, сам факт, что паремии о том или ином конкретном достоинстве и недостатке человека в тематически организованных словарях, как правило, представляют отдельные тематические объединения: их выделение уже само по себе может расцениваться как признак релевантности обсуждаемых категорий.

Каков же общий состав категорий, в которых оценивается человек с позиций добра и зла?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы сопоставили аксиологически маркированные «нетелесные» характеристики (термины, используемые для обозначения добродетелей и пороков, достоинств и недостатков) человека, встретившиеся в названиях словарных объединений паремий в разноязычных паремиологических словарях. В приведенной ниже таблице показаны результаты сопоставительного анализа восьми паремиологических словарей.⁵ Это русские поговорочные собрания, составителями которых являются В. И. Зимин и А. С. Спирин* [Зимин – пирин 2005], К. Г. Берсеньева*** [Берсеньева 2004]; белорусские паремиологические словари М. Я. Гринблата* [Грынблат 1976], Ф. М. Янковского*** [Янкоўскі 1992]; словарь итальянских паремий В. Боджоне и Л. Массобрио* [Boggione, Massorbio 2007], многоязычный паремиологический словарь М. Карьеры Казали*** [Carrieri Casali 1996]; словарь силезских паремий К. Ротера* [Rother 1927], словарь немецких па-

⁵ Таблица впервые приведена в монографии автора статьи [Ничипорчик 2015: 102–110].

ремий К. Вандера*** [Wander 1867–1880].⁶ Важным критерием выбора словарей для анализа была высокая степень дробности тематического членения. Все словари, за исключением собрания паремий К. Вандера, тематически организованы. В собрании К. Вандера стержневой принцип организации, данный выбор не противоречит самой идее сопоставления терминов, использованных в названии словарных объединений. Пустующие графы в таблице не означают, что паремиологические единицы, служащие утверждению соответствующей моральной ценности, отсутствуют в провербиальном фонде того или иного народа, это означает только то, что составители словаря не выделяют их в отдельное тематическое объединение.

Ввиду того что в отдельных словарях в названиях словарных объединений отмечаются и атрибутивные обозначения человека как носителя тех или иных достоинств и недостатков, то есть частные воплощения добра и зла концептуализируются как «способ (модус) поведения или действий («честный», «логичный», «аккуратный»)» [Вербицкий 2019], в таблице нашли отражение как субстантивные, так и атрибутивные обозначения релевантных для анализа понятий.

Таблица 1 – Добродетели и пороки, достоинства и недостатки человека в названиях словарных объединений паремий

Словари русских паремий	Словари белорусских паремий	Словари итальянских паремий	Словари немецких паремий
1	2	3	4
честь**	годнасць*	onore** (честь, порядочность, достоинство) virtù** (добродетель, доблесть, достоинство)	Ehre** (честь) Selbstbewusstsein* (чувство собственного достоинства)
бесчестье**	заган***	immoralità* (безнравственность) vizio*** (порок)	Unehre*** (бесчестие)
совесть** ответственность***	–	coscienza*** (совесть) rimorso* (угрызения совести)	Gewissen** (совесть)
честность*** чистый* ('честный, непорочный')	чэснасць*	onestà** (честность, порядочность, благопристойность)	Ehrlichkeit*** (честность, порядочность) Reinlichkeit*** (порядочность)
нечистоплотный ('непорядочный')*	–	disonestà** (нечестность, непорядочность)	Unehrenhaftigkeit*** (непорядочность) unehrlich*** (бесчестный)

⁶ Звездочки, указанные после фамилий составителей словарей, в самой таблице выступают индексами, отсылающими к словарю-источнику термина. Если термин употребляется в названиях словарных объединений каждого из словарей, взятых для анализа, то он индексируется двумя звездочками.

Моральные ценности в паремиологических картинах мира,
или паремиографическое решение вопроса о содержании понятия «мораль»

бесстыдство* бесстыжий***	бессаромнасць*	impudicizia* (бесстыдство, развращенность, беспутство) sconvenienza* (неприличие, непристойность) sfacciataggine* (бесстыдство)	Schande***, Schmach*** (стыд, позор, бесчестие)
безразличие***	абьякавасць**	indifferenza*** (равнодушие), freddezza* (холодность, равнодушие)	gleichgültig*** (безразлич- ный, безучастный, равно- душный)
доброта* добрый*	дабрата*	bontà** (доброта)	Güte*** (доброта)
злой* злойей*	зладзейства** непамяркоўнасць***	cattiveria*** (низость) malignità* (злобность, злона- меренность)	böse*** (злой)
терпение***	цярпенне* памяркоўнасць***	razienza** (терпение, терпеливость)	Geduld** (терпение) geduldig*** (терпеливый)
–	спагада***	pietà** (сострадание) carità** (человеколюбие, милосердие) clemenza*** (милосердие, милость)	Mitgefühl* (сострадание) Gunst** (благодарность, доброжелательность, милость)
эгоизм*** эгоист*	самалюбства*** індыўідуалізм***	egoismo** (эгоизм)	Eigenliebe*** (эгоизм)
гостеприимство*** хлебосольство***	гасціннасць***	ospitalità*** (гостеприим- ство, хлебосольство)	–
щедрость*** тороватый*	–	generosità** (великодушные, щедрость)	Freigebigkeit** (щедрость)
уважение* почет*	–	reputazione** (известность, доброе имя)	Achtung*** (почтение, уважение) Ehre*** (почет, уважение)
геройство***	–	eroismo** (героизм, доблесть)	Heldenmut*** (героизм)
мужество*** смелость*** храбрость*** смелый человек*	смеласць*	coraggio** (мужество, сме- лость)	Mut** (мужество) Kühnheit*** (смелость, отвага) Tapferkeit*** (храбрость, смелость, неустрашимость)
трусость*** трус*	баязлівасць**	pusillanimità* (трусливость, робость, малодушие)	Angst** (страх) Furcht** (боязнь)
вежливость*** учтивость***	–	cortesia** (вежливость, учтивость) convenienza* (приличие, вежливость)	Höflichkeit*** (вежливость) Artigkeit*** (воспитанность, учтивость, вежливость) Anstand*** (приличие)
грубость***	–	maleducazione* (невоспитан- ность, грубость) scortesia* (невежливость, не- любезность, грубость)	Grobheit** (грубость) Ungezogenheit*** (невоспитанность, непо- слушание)
высокомерие*** чванство*** чванливые люди* спесивые люди*	фанабэрыстасць**	superbia* (высокомерие, спесь, чванство)	Nochmut** (высокомерие)
зазнайство**	зазнайства* несамакрытыч- насць***	presunzione** (самонадеян- ность, высокомерие)	Dünkel** (самомнение, высокомерие) Anmaßung*** (самомнение, самонадеянность, надмен- ность)

хвастовство*** самохвальство*** бахвальство*** хвастун* самохвал*	самахвальства**	lode di sé* (самовосхваление)	Prahlererei** (хвастовство, самохвальство, бахвальство) Eigenlob*** (самовосхваление)
скромность**	сціпласць* сарамлівасць*	modestia*** (скромность) pudore** (стыдливость, стыд, целомудрие) vergogna* (стыд, стыдливость)	Bescheidenheit* (скромность) Schamhaftigkeit*** (стыдливость, застенчивость)
кротость*** смирный*	–	mitezza* (кротость, мягкость, снисходительность) umiltà** (смирение, покорность) remissività* (покорность) rassegnazione** (смирение, покорность)	Sanftmut*** (кротость) Demut*** (смирение, покорность) Demütig*** (смиранный, покорный) Gehorsam*** (послушание, повиновение)
верность* верный***	вернасць***	costanza** (верность, постоянство)	Treue*** (верность, преданность)
ревность*		gelosia* (ревность)	Eifersucht*** (ревность)
–	зрада***	tradimento** (измена, предательство) infedeltà*** (неверность)	Untreue* (неверность, измена)
легкомыслие*** непостоянство*** бесхарактерный*** слабохарактерность* непостоянный человек*	нясталасць*** бесхарактарнасць*** бязлікасць*** беспрыწყыповасць***	incostanza* (непостоянство, легкомыслие)	Leichtsinn*** (легкомыслие)
правда** правдолюб*	праўда* праўдзівасць*	verità*** (правда) sincerità** (искренность) schiettezza* (прямота, искренность)	Wahrheit** (правда) Wahrhaftigkeit*** (правдивость) Aufrichtigkeit*** (искренность, прямота)
ложь** вранье*	хлуслівасць* хлусня***	menzogna** (ложь, вранье, выдумка) bugiardo* (лжец, лгун)	Lüge** (ложь) Lügen*** (вранье) Lügner*** (лгун, лжец)
лицемерие*** двуличность*** двурушник* криводушный* подхалим* подпевала*	кывадушнасць* кывадушша***	falsità** (ложность, лицемерие, фальшивость) ipocrisia** (лицемерие) simulazione* (притворство) adulazione** (лесть, угождичество, подхалимство)	Heuchelei** (лицемерие) Schmeichelei* (лесть)
тщеславие***	–	ambizione** (честолюбие, тщеславие)	Ehrgeiz*** (честолюбие, тщеславие)
–	удзячнасць***	gratitudine** (благодарность)	Dank** (благодарность)
неблагодарность**	няўдзячнасць**	ingratitude** (неблагодарность)	Undank*** (неблагодарность)
нахальство*	нахабства**	arroganza* (наглость, нахальство)	Unverschämtheit*** (нахальство, наглость) Frechheit*** (нахальство)
те, кто трудится спозаранку*	працавігасць*** дбайнасць***	operosità* (трудолюбие)	Arbeitsamkeit*** (трудолюбие) Fleiß (трудолюбие, прилежание)

Моральные ценности в паремиологических картинах мира,
или паремиографическое решение вопроса о содержании понятия «мораль»

лень** ленивые* лежебока*** лодырь***	лянота*	pigrizia** (лень)	Faulheit** (лень) Faulenzer*** (лентяй) Faulpelz*** (лентяй, леже- бока, лодырь)
безделье*** тунейдство*** гуляка***	гультайства** паразитизм* гульба*	ozio** (праздность, безделье)	Müßiggang*** (праздность, безделье, тунейдство) Bummeler*** (бездельник, гуляка)
умение*** сноровка*** мастерство* умелец*** ловкий***	умельства***	abilità** (ловкость, про- ворство, искусство, умение, сноровка) intelligenza** (ловкость, умение)	Können* (умение) Gewandtheit*** (ловкость, проворство, искусство) Meister*** (мастер, специ- алист, знаток)
неумелый*** малоспособные люди*	няўмельства** няздатнасць***	incapacità* (неспособность, бездарность)	ungeschickt*** (неловкий, не- умелый, нерасторопный)
опытность***	спрацькаванасць***	esperienza** (опыт, опытность)	Erfahrung** (опыт)
разум*** мудрость*** грамотность*** умный** семи пядей во лбу*	розум**	intelligenza** (ум, разум) saggezza** (мудрость, благоразумие)	Vernunft*** (разум, рассудок, интеллект) Verstand*** (ум, разум) Klugheit* (ум, толковость, смышленость) gescheit*** (умный, разум- ный, рассудительный) Weisheit*** (мудрость)
неграмотный*** недоучка***	–	ignoranza** (незнание, не- вежество)	Unwissenheit*** (невежество) unwissend*** (невежествен- ный)
глупость*** бестолковость*** никудышные люди* дурак* придурковатый* без царя в голове*	бесталковасць*** нікчэмнасць*** дураць*	sciocco* (глупый, бестолко- вый, глупец, дурак) stupidità** (тупоумие, ту- пость, глупость) stoltezza* (глупость, тупость, безрассудство)	Dummheit** (глупость) Nartheit* (слабоумие, глупость) Dummkopf*** (дурак, болван, олух) Narr*** (дурак, глупец)
сообразительность* смекалка*** расторопный*** ретивый*** бойкий*** энергичный*** тороватый*	кемлівасць**	prontezza* (сообразитель- ность, смекалка, быстрота, проворство) intraprendenza* (инициатив- ность, находчивость)	Gewandtheit*** (ловкость, проворство, находчивость) behende*** (проворный, быстрый, расторопный) Behendigkeit*** (проворство, быстрота, расторопность)
медлительность*	нерашучасць***	–	Langsam* (медлительность)
поспешность*	–	precipitazione* (поспеш- ность)	Eile*** (поспешность) Hast*** (спешка, гонка)
настойчивость***	руплівасць* дбайнасць*** упартасць**	perseveranza* (настойчивость, упорство) sollecitudine* (старание, усердие)	Beharrlichkeit*** (упорство, настойчивость) Fleiß*** (прилежание, усер- дие, старание) Eifer*** (рвение, усердие) Sorgfalt*** (тщательность, добросовестность)

осторожность*** бдительность***	асцярожнасць*	prudenza** (осторожность, благоразумие) previdenza** (предусмотрительность) accortezza* (прозорливость, предусмотрительность)	Vorsicht** (осторожность) Vorsorge*** (предусмотрительность) Besonnenheit* (благоразумие, осторожность)
отчаянный человек*, сорвиголова* безумный*** чокнутый*	свавольства***	folia** (безумие, сумасшествие, сумасбродство) pazzo* (сумасшедший, безрассудный, безумный) pazzia*** (сумасбродство, чужачество)	Narrheit* (сумасбродство) Unvernunft*** (безрассудство)
хитрые люди*	хітрасць*	astuzia** (хитрость)	List*** (хитрость, коварство)
завидущий*	зайздасць**	invidia** (зависть)	Neid** (зависть)
любопытство*	празмерная цікаўнасць***	curiosità** (любопытство, любопытность)	Neugier*** (любопытство)
жадный* алчность*** скупой*	прагнасць*** скавпнасць* скупасць**	avidità** (жадность) cupidigia** (алчность) avarizia** (скупость)	Gier*** (жадность, алчность) Begehrlich*** (жадный, ненасытный, алчный) Geiz** (скупость)
расточитель* мотовство***	марнатраўства*	prodigialità* (расточительство, мотовство)	Verschwendung* (расточительство, мотовство)
бережливый* бережливость** хозяйственность*** умеренность*	ашчаднасць* беражлівасць*** гаспадарлівасць***	parsimonia** (умеренность, бережливость, экономность)	Sparsamkeit** (бережливость)
опрятность*** аккуратность*** чистота*** чистые*	ахайнасць*	pulizie* (чистота, опрятность)	Sauberkeit*** (чистота, опрятность) Reinlichkeit*** (опрятность, чистота)
нечистоплотные* неряха***	неахайнасць**	–	Unreinlichkeit*** (неопрятность) Schmierfink*** (грязнуля) schlampig*** (неряшливый, небрежный)
пьянство** пьяница***	п'янства**	–	Trunkenheit*** (пьянство) Trinker*** (пьяница)
воровство*** вор*	–	ladro** (вор)	Diebstahl** (воровство) Dieb*** (вор)
драчливый* хулиган***	буянства*	litigiosità* (агрессивность)	Raufbold*** (драчун, забияка)
обманщик и плут* мошенничество*	махлярства**	frode** (мошенничество, обман) inganno** (обман, мошенничество)	Betrug** (обман, надувательство, мошенничество)
шкурник*	–	opportunismo* (корыстолюбие)	Eigennutz** (корыстолюбие) Bestechung* (взятничество)
болтливость***	балбатня* балбатунства***	chiacchiericcio* (болтовня)	Geschwätzigkeit*** (болтливость) Schwätzer*** (болтун)
–	пляткарства**	maldicenza** (злословие, клевета)	Verleumdung*** (клевета, злословие)

Моральные ценности в паремиологических картинах мира,
или паремиографическое решение вопроса о содержании понятия «мораль»

упрямство*** упрямый*	упаргасць**	ostinazione** (упрямство)	Eigensinn** (упрямство) Trotz** (упрямство, свое- нравие, упорство)
строгость*	–	severità** (строгость, суро- вость)	Strenge*** (строгость, суровость)
недовольный*** назойливый чело- век* назойливость*** надоедливость***	придзірліваць*** сварліваць*** удліваць***	indiscrezione* (неделикат- ность, бестактность, несдер- жанность, болтливость)	unzufrieden*** (недовольный) zudringlich*** (назойли- вый) streitsüchtig*** (сварли- вый)
сердитый*	варожаць*	inimicizie* (враждебность, неприятнь)	Feindschaft** (неприятнь, враждебность)
самообладание***	–	ponderatezza* (уравновешенность) calma* (спокойствие)	Fassung*** (самооблада- ние, сдержанность) Gelassenheit*** (спокой- ствие, хладнокровие)
неунывающий*	аптымізм***	ottimismo*** (оптимизм) allegria** (веселье, жизнерадостность)	Frohsinn** (веселый нрав, жизнерадостность)
умеренность***	–	moderazione** (сдержан- ность, умеренность)	Mäßigkeit*** (умеренность, сдержанность, воздержан- ность)
–	–	intemperanza* (неумерен- ность, невоздержанность)	Unmäßigkeit*** (неумерен- ность, излишество)

Материалы данной таблицы конкретизируют наше представление о моральных ценностях, воплощенных в содержании европейских паремиологических единиц; свидетельствуют не только о многоликости проявления добра и зла в человеческом «я», но и о единодушии представителей разных наций и разных поколений в определении того, какие моральные ценности должны выступать ориентирами в человеческой жизни и деятельности. Из 74 оценочных терминов, имеющих отношение к характеристике внутреннего мира, поведенческих стереотипов человека и отмеченных в названиях словарных объединений, 50 терминов совпали в паремиологических словарях всех анализируемых языков, к ним следует добавить еще 23 оценочных термина, совпавших в названиях композиционных частей в словарях трех языков. Разумеется, эти цифры характеризуются относительностью, так как словари различаются степенью дробности тематического членения. Однако сам факт большого количества идентичных аксиологически маркированных характеристик человека, использованных паремиографами в названиях словарных объединений, свидетельствует о социальной значимости выявленных в результате сопоставления объектов концептуализации, релевантности для разных европейских этносов ценностей морали, выступающих основаниями соответствующих оценок.

Подчеркнем в заключение, что избираемые паремиографами стратегии тематической дифференциации паремий отражают разное понима-

ние морали. Содержание понятия «мораль» является редуцированным при выделении паремий на тему морали в отдельный тематический блок. Ценности, обозначенные в названиях частных тематических объединений таких блоков, представлены как аксиологическое измерение внутреннего мира человека и не охватывают всех проявлений добра и зла в разных сферах жизни человека. В словарях с размещением паремий о добродетелях и пороках в разных тематических блоках и в словарях с одноуровневой тематической дифференциацией паремий мораль мыслится как «пронизывающая» все сферы человеческой жизни и деятельности система идеалов и норм. Эти идеалы и нормы лежат в основе оценки способностей человека к самореализации, гармоничному социальному взаимодействию, к продуктивной и созидательной деятельности – деятельности во благо. Анализ нескольких европейских паремиологических словарей показал совпадение аксиологически маркированных характеристик человека в создаваемых обыденным сознанием картинах мира, что говорит о единодушии представителей разных этносов в решении вопроса о том, какие ценности задаются дихотомией добра и зла.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРИСТОТЕЛЬ (2005): *Евдемова этика*: Перевод с древнегреческого Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой. Москва: Российская академия наук.
- АРИСТОТЕЛЬ (2019): *Никомахова этика*: Перевод Н. Брагинской (11.8.2019), <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>.
- АПРЕСЯН, Р. (2001): Мораль. В: *Этика: Энциклопедический словарь*. Eds. Р. Г. Апресян, А. А. Гусейнов. Москва: Гардарики, с. 275–282.
- АПРЕСЯН, Р. (2017): *Этика*. Москва: КНОРУС.
- АПРЕСЯН, Ю. (1995): Образ человека по данным языка: попытка системного анализа. *Вопросы языкознания*, № 1, с. 37–67.
- АРУТЮНОВА, Н. (1999): *Язык и мир человека*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- БЕРСЕНЬЕВА, К. (2004): *Русские пословицы и поговорки*: Ed. К. Г. Берсеньева. Москва: Центр-полиграф.
- БУЛЫНКО, Д. (1998): Социальная установка. In: *Новейший философский словарь*: Ed. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, с. 654.
- ВЕРБИЦКИЙ, А. (2019): *Ценность*. (12.5.2019), http://psychology_pedagogy.academic.ru
- ГРЫНБЛАТ, М. (1976): *Прыказкі і прымаўкі: ў 2-х кн.*: Eds. М. Я. Грынблат, А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка.
- ГУСЕЙНОВ, А. (2000): Этика и мораль в современном мире. In: *Этическая мысль*. Москва: Российская академия наук. Институт философии, с. 4–15.
- ГУСЕЙНОВ, А. – МОЖЕЙКО, М. – СЕВОСТЬЯНОВА, Н. (2019): *Этика* (14.9.2019), <https://gtmarket.ru/concepts/7185>.

- ДАЛЬ, В. (1957): *Пословицы русского народа*. Москва: Художественная литература.
- ЗИМИН, В. – СПИРИН, А. (2005): *Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь*. Ростов на Дону: Феникс – Москва: Цитадель-трейд.
- КОНОНЕНКО, Б. (2019): *Этика* (21.8.2019), <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm>.
- НОСОВИЧ, И. (1874): *Сборник белорусских пословиц*; Ed. И. И. Носович. Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН, т. XII. № 2.
- НИЧИПОРЧИК, Е. (2015): *Отражение ценностных ориентаций в паремиях*. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015, 358 с.
- САНЖЕНАКОВ, А. (2016): Трактат «о добродетелях и пороках» (перевод и комментарий). *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*, Vol. 10. 2, p.754–777.
- СУРИНА, А. (2005): Ценностные ориентации. *Знание. Понимание. Умение*, № 4, с. 162–164.
- ЯНКОЎСКИ, Ф. (1992): *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*: Ed. Ф. Янкоўскі. Мінск: Навука і тэхніка.
- BOGGIONE, V. (2007): *Lògos, dialogo, letteratura* In: V. Boggione – L. Massobrio. *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*. Torino : UTET, p. XXIII–XLVIII.
- BOGGIONE, V. – MASSOBRIO, L. (2007): *Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi*. Torino: UTET.
- CARRIERI CASALI, M. (1996): *Il libro dei proverbi Da tutto il mondo*. Milano: Edizione Mondolibri S.p.A.
- ROTHER, K. (1927): *Die schlesischen Sprichwörter und Redensarten*. Darmstadt.
- WANDER, K. (1867–1880): *Deutsches Sprichwörterlexikon. Vol. 1–5*. Leipzig: F. A. Brockhaus.

ПРОФИЛЬ АВТОРА:

Ничипорчик Елена Владимировна

Доктор филологических наук, доцент

Научные интересы: теория языка, лингвокультурология, социопсихолингвистика, паремиология.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

ул. Советская, д. 104

249019 г. Гомель

Беларусь

<http://gsu.by/>

evnich@gmail.com

СТАНИСЛАВ РЫЛОВ

Россия, Нижний Новгород

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ СИНТАКСИСЕ (НА ФОНЕ ЧЕШСКОГО СИНТАКСИСА)

АБСТРАКТ:

Current tendencies of change in Russian syntax (in comparison with Czech syntax)

Democratization of the Russian society in the last three decades, many social and psychological factors are indirectly reflected in language and speech. It is the Russian language that is ahead of other Slavic languages in terms of pace and scope of dynamics. Although syntax is highly resistant to extralinguistic factors, it is greatly responsive to them. The consequence of this is a mass entry of syntactic constructions that violate the traditional syntactic norm into speech usage, as well as the emergence of new phenomena in syntax that require analysis and evaluation. The aim of the paper is to identify the most active changes in the syntax of modern Russian speech against the background of Czech syntax, to define their nature, to discover the manifestation of the main trends of development. The objects of the research are new syntactic phenomena in the structure of word combinations and simple sentences, which are often revealed in Russian speech in the first decades of the XXI century. The material for the study involved texts published in modern Russian periodicals, as well as facts recorded by the author in radio and television broadcasts of the last decade; Czech periodicals were partially involved. The most active changes are analyzed: transposition, expansion of prepositions in subordinate phrases, simplification of the structure of a simple sentence, segmentation, compression, topicalization of the necessary part of the statement, parcelling, innovative changes in the functioning of nonagentive constructions. The revealed changes prove the manifestation of the main tendencies: “democratization” of the Russian syntax, the tendency to develop a new syncretism, the tendency to strengthen analytism.

KEY WORDS:

Modern Russian language – Czech language – syntax – innovations – word combination – simple sentence – “democratization” of syntax – syncretism – analytism.

Бурные изменения в российском обществе в конце XX – начале XXI веков, вызванные перестройкой и постперестроечным периодом, социальные и психологические факторы первых десятилетий XXI века оказали значительное влияние на особенности русского языка, на речевое поведение его носителей, что отмечается многими исследователями [Гловинская 2000: 237–238; Земская 2000: 12–14; Крысин 2008: 13–14; Сиротинина 2017: 10–11; и др.]. Демократизация общества, деидеологизация многих сфер человеческой деятельности, «открытость» в области экономики, политики, культуры, в человеческих отношениях – все это опосредованно отражается в языке и речи. Раскованность, раскрепощённость говорящего действует на все механизмы языка [Земская 2000: 14]. Показательно, что именно русский язык, в сравнении с другими славянскими языками, «на многих аналогичных развивающихся участках языка опережает по темпам и размаху эволюции другие славянские языки» [Гловинская 2008: 188].

Обычно считается, что изменения в синтаксисе очень медленные и сам синтаксис отличается наибольшей устойчивостью по отношению к воздействию экстралингвистических факторов [Крысин 2010: 200]. Однако по сравнению с морфологией синтаксис реагирует на социальные изменения намного активнее. Вследствие воздействия социальных факторов на синтаксический строй происходит «смягчение» литературной нормы, допущение в литературный речевой оборот синтаксических конструкций, которые до недавнего времени считались нелитературными или вообще не встречались. Результаты такого влияния нередко оцениваются как нарушение традиционной синтаксической нормы, «но в них можно видеть и зарождение неких новых тенденций в построении высказывания» [Крысин 2010: 200]. Важный результат действия разных факторов на синтаксис – *массовое* вхождение в литературно-речевой обиход *инноваций*, т.е. новых явлений в синтаксисе, которые вызывают необходимость их анализа и оценки как с позиций нормы, так и с точки зрения их социальной обусловленности [Крысин 2008: 15]. К сожалению, в русистике фактически отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному анализу инновационных изменений в синтаксическом строе современного русского языка. В работах разных учёных даются в основном частные наблюдения над отдельными синтаксическими явлениями и речевыми ошибками в СМИ. Весьма

актуальным при этом является сопоставительный подход: насколько велик размах изменений в русском синтаксисе на фоне чешского языка? Несомненно, оказывается важным и лингводидактический аспект: в процессе обучения русскому языку, в том числе и как иностранному, нельзя не учитывать инновационные изменения и их тенденции в синтаксисе современного русского языка [Vysloužilová 2005: 125].

Цель настоящего исследования – выявить наиболее активные синтаксические изменения в современной русской речи на фоне чешского синтаксиса, установить их характер, уловить в них проявление основных тенденций развития русского синтаксиса. Под **тенденцией развития** понимается «накопление однотипных фактов в каждом последующем синхронном срезе по сравнению с предыдущим» [Гловинская 2000: 238]. По нашему мнению, это общее направление качественных изменений однотипных синтаксических явлений, которые носят массовый характер на протяжении длительного времени. Когда новые синтаксические явления не единичны, а регулярно употребляются в письменной и устной речи, когда подобные факты обнаруживают однотипность, когда они имеют однонаправленный характер на протяжении длительного времени, то может быть установлена некоторая общая линия изменений. Это свидетельствует о наличии определённой *тенденции* развития.

Предметом изучения и анализа в работе стали новые синтаксические явления в структуре словосочетания и простого предложения, возникшие в русской речи в конце XX – начале XXI веков и активно и регулярно проявляющиеся в современной русской публицистической и разговорной речи. Именно публицистический стиль имеет высокую социальную значимость, ему принадлежит ведущая роль в стилевой структуре современного русского литературного языка и его реальном функционировании. Как отмечается в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», «по силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, формирования языковых вкусов, речевых норм он превосходит художественную речь. Особенно велика роль в этих процессах СМИ. Многие новые средства литературного выражения рождаются и проходят апробацию сначала в публицистическом стиле» [СЭСРЯ 2003: 314–315].

Материалом для наблюдений и анализа послужили: а) газетные тексты, опубликованные в российских периодических изданиях последнего десятилетия (Российская газета – далее сокращенно РГ, Аргументы и факты – АиФ, Комсомольская правда – КП, Новая газета – НГ, Нижегородская правда – НП, Нижегородские новости – НН, Ленинская смена – ЛС, Нижегородский спорт – НС, Нижегородский университет – НУ);

б) российская радио- и телеречь (Радио России; ТВ, 1-й канал; ТВ, Россия-1; канал НТВ); в) разговорная речь (РР); г) частично привлекалась чешская периодика последнего десятилетия (Lidové noviny – LN, Mladá fronta DNES – MF, Právo – P, Hospodářské Noviny – HN, Blesk – B, Sport magazín – SM, Týden). Материал, который был собран самим автором, подробно паспортизован: точная дата, указание издания, жанра передачи, кому принадлежит высказывание.

Анализ показывает, что самые активные инновационные изменения наблюдаются в структуре словосочетания. Это связано, во-первых, со сложной синкретичной природой словосочетания, которое «оказывается феноменом лексико-морфолого-синтаксическим» [Головин 1994: 75]; во-вторых, с тем, что словосочетание – номинативная единица, она строится на базе лексико-семантического наполнения слов, и в этом её близость к слову, а лексика – самый подвижный уровень языка. Наиболее заметные инновационные сдвиги происходят в словосочетаниях *с управлением*. Отметим самые распространенные изменения.

А. Транспозиция – это такое преобразование в структуре словосочетания «существительное – (предлог) – существительное», когда в результате смещения значения происходит разрушение связи *управления* и развитие связи *согласования*, что приводит к образованию инновационной модели словосочетания с согласованием «прилагательное – имя существительное». При этом наблюдается семантическое расширение двучленного словосочетания, в котором имя существительное выражает родовое понятие, а прилагательное – видовое. Такого рода единичные факты наблюдались в русской речи и ранее, ср.: *земли под пахоту* – *пахотные земли*, *центр по продаже компьютеров* – *компьютерный центр*. Однако в настоящее время транспозиция стала массовым явлением, широко распространилась и в СМИ, и в разговорной речи. Вот несколько показательных примеров из периодической печати, ср. пр.:

*У нас уже начался эксперимент по так называемой **бережливой поликлинике**. «Бережливой» не в смысле сбережения имущества и денежных средств, а сбережения как раз здоровья и времени тех, кто пользуется услугами этих поликлиник [АиФ, №10, 7–13.03.2018]; Традиционная любительская **биатлонная эстафета** пройдёт ... 22 февраля (вместо: эстафета в биатлоне) [НН, 14.02.2018]; Две **нижегородские медали** (вместо: Две медали нижегородцев) [НН, 21.02.2018, заголовок]; Размеры «Сармата» позволяют размещать его в уже существующих **шахтных пусковых установках** (вместо: пусковых установках в шахтах) [АиФ, №10, 7–13.03.2018]; Рождественские Святки – это двенадцатидневный период Святых дней ..., **Святочный период** начался 7 января (вместо:*

период Святки) [НН, 10.01.2018]; *В Москве – пасхальная **звональная программа*** (вместо: *программа колокольных звонов*) [Радио России, 22.03.2018]; *В следующем часе будем говорить о **сексуальных педагогах*** (вместо: *педагогах в области сексуальных отношений*) [Радио России, 26.03.2019 – ведущий передачи «Передаём сигналы точного времени»]; ***топливный рынок*** (вместо: *рынок топлива*) [Радио России, «Вести», 26.03.2019]; ***ценовая политика*** (вместо: *политика в области ценообразования*) [Радио России, «Вести – НН», 26.03.2019]; ***ландшафтный архитектор*** (вместо: *архитектор в области ландшафта*) [Радио России, 13.07.2019, «Хорошее начало»].

Так возникает и широко распространяется в современной русской речи последних десятилетий инновационная модель словосочетания с согласованием, что обусловлено прежде всего стремлением к экономии языковых средств в непринуждённой речи. Интересно, что аналогичная модель «прилагательное – имя существительное» типична для чешского литературного языка, разговорной речи и представляет собой важную типологическую особенность в сравнении с русским языком, ср. пр.:

roční období ~ времена года, jízdní řád ~ расписание поездов, osobní průkaz ~ удостоверение личности, krasobruslařské prvky ~ элементы фигурного катания, ср. примеры из чешской периодической печати: *volební lídr* [MF, 20.08.2018], *sídlíštní zastávka* [MF, 20.08.2018], *bankovní daň* [НН, 07.05.2019], *modlitební praporeky* [SM, 22.06.2012].

Примечательно также зафиксированное автором словосочетание данной модели в рекламном объявлении в г. Оломоуце: *hodinový manžel* в отличие от русского «*муж на час*», ср. также *hodinový hotel* – «*hotel pronajímající pokoje na hodinu*» [LINGEA 2011: 202].

Б. Экспансия предложных структур

Процесс вытеснения беспредложных подчинительных словосочетаний предложными структурами в русском языке наблюдался на протяжении всего XX века. В научных работах приводятся многочисленные примеры подобных замен. Но особенно активно происходит данный процесс с конца XX века, при этом предложные конструкции оцениваются прежде всего как ошибки [Гловинская 2000: 251–261]. Наши наблюдения показывают, что экспансия предложных структур нередко вместо беспредложных в настоящее время – живой процесс, чрезвычайно широко представленный в XXI веке и в языке СМИ, и в разговорной речи. На наших глазах острота ошибки в заменах падежных

конструкций предложными стирается, формируются словосочетания с новым управлением:

а) модели **О + предложный падеж** при глаголах или существительных типа:

показывать О (вместо: *показывать что*), **утверждать О** (вместо: *утверждать что*), **убеждать О** (вместо: *убеждать в чём*), **программа О** (вместо: *программа чего*), **факты О** (вместо: *факты чего*).

Интересно, что такие случаи типичны даже в речи образованных людей, ученых, деятелей культуры, юристов, журналистов и т.д.:

дела покажут о том, какие отношения будут между Украиной и Россией [Радио России, 22.04.2019 – преподаватель МГИМО в передаче «Актуально»]; *Молодые супруги не понимают о том, что они наносят травму друг другу* [Радио России, 13.06.2019 – ведущая О. Максимова в передаче «Вечерняя смена»]; *Интересно о том, что студенты не представляют всей сложности...* [Радио России, 19.08.2019 – ведущий в передаче «Вечерняя смена»]; *Квалификация как раз подтверждает об этом* [Радио России, 13.04.2019 – спортивный обозреватель в передаче «Итоги дня»]; *Дзюба разворачивался спиной и старался отдать кому-либо мяч. Это показывает о том, что Дзюба устал* [ТВ – Матч, 11.06.2019 – интервью футболиста Аршавина]; *Материалы указывают о том, что участники были осведомлены...* [ТВ, Россия – 1, 09.04.2018 – «Вести», представитель генпрокуратуры]; *Будем молиться о ней* [ТВ, 1-ый канал, 25.03.2018 – Татьяна Тарасова о фигуристке Алине Загитовой].

По мнению О. Б. Сиротининой, господство в современной русской речи предложного падежа с предлогом **о** – это «своеобразный результат диффузии как упрощения» [Сиротинина 2017: 12–13]. Данное явление, по всей вероятности, можно рассматривать и как проявление развития синкретизма синтаксических структур.

б) Это высокочастотная в медиаречи модель **ПО + дательный падеж**, ср. пр.: *отделение по общему розыску, рабочая группа по контролю за реализацией; лаборатория по электротехнике*. В языке СМИ, в речи представителей органов власти, образования, науки, культуры, в устных выступлениях политиков, финансистов, бизнесменов конструкция с предлогом **по** весьма частотна, причем предлог **по** развивается в современной русской речи чрезвычайно широкую семантику, ср. пр.:

В рамках визита состоялось заседание оперативной рабочей группы по контролю за реализацией мероприятий по завершению строительства ... стадионов к чемпионату мира по футболу – 2018 в России [НН,

10.01.2018]; *К примеру, государственная политика по развитию цифровизации во многом основывается на компетенциях саровских специалистов. Та же программа по внедрению «Карты жителя Нижегородской области разрабатывается в Сарове»* [НП, №17, 07.03.2018]; *молодёжные проекты по социальным инновациям* [НУ, 2018, №1]; *работа службы по подбору персонала* [НУ, 2018, №1]; *магистрант по направлению подготовки «Управление персоналом»* [НУ, 2018, №1]; *переговоры по Сирии* [Радио России, 05.05.2018]; *Была ограниченная загрузка по зрителям* [Радио России, 16.04.2018 – передача «Стадион»]; *Хочется спросить по новому футбольному турниру* [Радио России, 06.08.2019 – ведущий спортивной передачи спрашивает у тренера].

По мнению М. Я. Гловинской, конструкция с предлогом **по** – это результат компрессии текста. В настоящее время модель **по + дательный падеж** так окрепла, что «речь идёт не столько о замене конкретных словосочетаний, сколько о появлении новых словосочетаний с **по**, функционально эквивалентных или близких тем конструкциям, на которые распространяется его экспансия» [Гловинская 2000: 249].

Предлоги **о**, **по** в подобных словосочетаниях часто оказываются семантически не мотивированной простой прокладкой между словами, знаками синтаксических отношений. Несомненно, что рассмотренные инновационные изменения в структуре и функционировании словосочетаний: транспозиция, экспансия предложных структур в беспредложных словосочетаниях, ослабление падежных функций, усиление предложно-падежного управления в подчинительных словосочетаниях – представляют собой проявление тенденции развития от синтетизма к аналитизму синтаксических структур в русской речи.

Что касается чешского языка, то хорошо известно, что и здесь возможны варианты подчинительных словосочетаний как с предложным, так и с беспредложным управлением, например: **myslit na** + Ak. / **myslit si o** + Lok. / **myslit** + Ak. (*myslit to vážně, myslím si, že je chytrý*); **čekat na** + Ak. / **čekat** + Ak. (*čeká otázky utipné*). Однако употребление таких вариантов в речи обусловлено семантически или стилистически. О случаях же, подобных русским структурам, когда чешская предложная конструкция заменяет соответствующую беспредложную и предлог становится простой асемантической прокладкой, автору – как «русскому пользователю» чешской речи (в основном в письменном варианте) – говорить затруднительно. Можно только высказать предположение, что именно за счет живого процесса экспансии предложных структур современный русский синтаксис в большей степени, чем чешский, тяготеет к аналитизму. Между тем, надо иметь в виду, что «чешские

предлоги на самом деле представляют собой невероятно интересную и богатую палитру, но их употребление принадлежит, к сожалению, к наименее исследованным областям» (авторский перевод оригинала: «české předložky nabízejí skutečně neuvěřitelně zajímavou a bohatou paletu případů, jejich užití však patří, bohužel, k nejméně probádaným oblastem» [Hrdlička 2013: 108]).

В последние десятилетия наблюдаются активные инновационные изменения в структуре и функционировании главной синтетической единицы – предложения. Ограничимся в настоящей работе рассмотрением процессов в **простом предложении** (ПП). В качестве общей тенденции изменений следует отметить **упрощение** структуры ПП. Это упрощение заметно прежде всего в *количественном* плане. Как показывают наши исследования, протяженность грамматической структуры (средняя длина) ПП с XII по XX вв. в русском языке постоянно увеличивалась с трех до четырнадцати грамматических элементов (ГЭ), т.е. членов предложения как структурных элементов ПП (тем самым становится возможным представить протяженность предложения в речи с опорой не столько на форму, сколько на синтаксическую *семантику* предложения). Однако в последние десятилетия она уменьшается. Эта тенденция прослеживается на материале разных европейских языков, в том числе славянских, что является, по-видимому, результатом сближения письменной речи с устной, для которой характерны очень короткие простые высказывания из одного – двух – трёх – четырёх грамматических элементов. Вместе с тем, нами установлено, что для русской газетно-публицистической речи, по ср. с чешской, характерна *большая* развернутость структуры ПП: средняя длина ПП в русских публицистических текстах **6,22** ГЭ, в чешских – в среднем на целую позицию меньше: **5,22** ГЭ. Эти данные получены в ходе сплошного синтаксического обследования текстовых выборок объемом по 1043 ПП из русских и чешских газетно-публицистических текстов, опубликованных в современных российских и чешских периодических изданиях 2008–2011 гг., и представлены автором в докладе на международной научной конференции «XXI Olomoucké dny rusistů» [Рылов 2011: 256–258]. Упрощение структуры ПП проявляется и в *качественном* отношении: в современной русской речи при построении ПП наблюдается стремление к усечению, сжатию, свободному конструированию его структуры. В чешских публицистических текстах по ср. с русскими обнаруживается *большая* «прозрачность» синтагматической формы ПП, *большая* лаконичность – за счет активного использования очень коротких ПП (из 2–3–4-х ГЭ); более экспрес-

сивный характер построения высказывания, при котором проявляется живость, движение мысли, ср.:

Centra vědců v Brně jsou fajn, jen je musíte udržet (MF, 16.09.2015); *Už je to tak: volby ničí americký fotbal. A porážejí i Hollywood* [MF, 02.11.2016]; *Kovář se změnil i lidsky. Je rozumnější, vyzrál. Je jedním z mála hráčů střední generace* [MF, 02.11.2016]; *Doba Václava Havla je bohužel nenávratně pryč. Havel byl dějinná anomálie, které se občas vyskytují. České «my» (bráno ve smyslu většiny), to není Havel, nyní je to Babiš* [HN, 07.05.2019]; *Jednou bych chtěla být babičkou. Plánuji si to idealisticky. Nějakou dobu bych ještě učila v Plzni. Pak šla do tvůrčí penze. Starat se o vnoučata a u toho něco dělat. Myslím si, že člověk má umět odejít* [MF, 11.05.2019].

Нами выявлены важнейшие качественные изменения в структуре простого высказывания.

1. Сегментация. Это расчленение высказывания на две части, противопоставленные друг другу формально, но связанные семантически. В результате возникает разрыв структуры ПП на две части: **тема – повод.** При этом обе части представляются как равноправные, несмотря на то что одна из них логически зависит от другой. Сегментация широко представлена в современной русской публицистической и разговорной речи:

Италия выбирает новый парламент. | Берлускони возвращается? [РГ, 05.03.2018]; *Скорректированы нормы провоза багажа. | На пять сантиметров больше* [РГ, 01.03.2018]; *Тыквы ... | Чем не украшение?* [НП, 21.02.2018]; *Лето – прекрасная пора. | И не только для отдыха* [НП, 26.06.2019].

Гораздо реже встречается сегментация в современной чешской речи, например:

Normalizační děkan nechápal, proč by egyptologové měli vyházovat peníze do písku. Ze dne na den jsme skončili. | Naštěstí jen dočasně [MF, 26.01.2019]; *Žánrově jde o psychologickou prózu s prvky thrilleru a detektivky. | Jenže pouze v první a poslední čtvrtině* [MF, 11.05.2019]; *Janské Lázně neumírají. | Naopak* [LN, 07.09.2019].

2. Актуализация – структурное выделение актуальной части высказывания, главным образом вынесение её в начало высказывания, причем произнесение её сопровождается особой интонацией – ожидающе-задумчивой. В результате возникает явление синтаксического «излома». Такие синтаксические конструкции характеризуются высокой экспрессивностью, ср. пр.:

Это вечная тема – интеллигенция и власть [РГ, №44, 01.03.2018]; *Политика – это тот же театр* [АиФ, №21, 2009]. *Инсульт – это не конец нормальной жизни!* [РГ, №54, 15.03.2018]; *Готовить всей семьей – это увлекательно и вкусно!* [НП, 17.01.2018]; *Традиция – это ведь не консервы в банке. Почему же мы не можем внести в песню что-то своё, разумеется, с уважением к корням?* [НП, 21.02.2018].

Особенно широко распространена актуализация в устной речи, где своеобразным «мостиком» между двумя частями высказывания (актуальной и раскрывающей её содержание) оказывается местоимение **он**, ср. пр.:

Рубль – он по сути сегодня полностью конвертируемая валюта [Радио России, «Вести», 25.05.2018 – В. Путин]; *Я думаю, вот этот тренд – его можно заменить* [Радио России, «Пятидневка», 09.04.2018 – ведущий радиопередачи]; *Все, кто работает с детьми, – они без души не могут относиться к своему делу* [Радио России, «Пятидневка», 17.04.2018]; *Слоны – у них жизнь немного другая* [Радио России, «О животных с Иваном Затевахиным», 06.05.2018]; *Закон – он прежде всего даст средства в бюджет* [Радио России, «Вести», 09.04.2019 – спикер Государственной Думы Володин]; *Заявления, которые звучат сейчас из Киева, – они очень противоречивы* [ТВ, «Вести в субботу», 01.06.2019 – премьер-министр Д. Медведев]; *Вот эта ситуация – она и провоцировала конфликты* [Радио России, «Российский университет», 09.04.2019].

В чешской публицистической речи актуализированные синтаксические конструкции малоупотребительны, они представлены главным образом в заголовках статей, ср. пр.:

Rekord! Ani Jágr tak netáhl [MF, 20.10.2009]; *Krušné časy. Chřadnoucím Žabinám pomůže Horáková* [MF, 16.09.2015]; *Nová role? Je to pro mě práce snů* [P, 15.06.2019]; *Toulava? Ráj pro pěší turisty* [MF, 23.05.2019]; *Dokonalá sezona, Slavia slaví double* [LN, 23.05.2019].

Изредка явление актуализации наблюдается и в чешской публицистической речи, репрезентирующей прямую разговорную речь, например, в беседе журналиста с известным чешским хоккеистом В. Недоростом, где актуализация получает специфическое синтаксическое выражение:

Ono je těžký, když jste třicetkrát za kariéru na tři měsíce vyautovaní a nemůžete trénovat. [P, 15.06.19].

По всей вероятности, актуализация гораздо шире распространена в чешской устной разговорной речи, однако это требует специального исследования.

3. Компрессия – сжатие, «стяжение» в одно слово (словосочетание) нескольких слов (иногда и части предложения), ср. пр.:

*Начались экстренные созвоны Трампа с Меркель и Макроном [ТВ, Россия-1, 03.03.2018, ведущий передачи «Вести в субботу» С.Брилев] – вместо: телефонные переговоры; Золотой кубок – главное сокровище КХЛ. Предполагается, что именно **сшибка** «Торпедо» и «Локо» должна получиться самой упорной по всем четвертьфиналам Западной конференции [АиФ, №10, 13.03.2018] – вместо: хоккейный матч, насыщенный упорной, жесткой борьбой, столкновениями; Экс-нижегородка, ныне успешная актриса и режиссер Лариса Маркина, готова поделиться наиболее сильнодействующими рецептами **сбьчи мечт**, проверенными на личном опыте [НН, 10.01.2018] – вместо: того, как сбываются мечты.*

Компрессия в чешской публицистической речи, как и в русской, носит спорадический характер и возникает под влиянием разговорной речи, для которой характерны стремление к экономии языковых средств, их сжатию в речевых структурах. Приведем некоторые интересные примеры, выявленные в чешской публицистической речи:

*Když jste se stal vrchním žalobcem, byly do vás ukládány velké naděje. Proč myslíte, že jste dnes pro většinu národa «**zametač kauz**»? [Týden, č. 28/2012, «Rozhovor týdne» – из беседы журналиста и В. Рампулы]: **zametač** от глагола *zametat* – ‘подметать’; в ответе г-на В. Рампулы раскрывается смысл компрессии: *Neuvzpomínám si, ... že bych měl za úkol **očistit státní zastupitelství**. To jsou slova, která zaznívají až v této době; Krásné **souznění**. Tak Rampula nazývá vztahy bývalého ministra spravedlivosti Jiřího Pospíšila s lidmi z ČSSD, kteří prý chtějí ovládnout justici* [Týden, č. 28/2012] – ср. значение в словаре *souladné znění* – přen.: ‘взаимная shoda’ [LINGEA 2011: 274].*

4. Парцелляция – дробление исходного ПП на мелкие актуализированные части высказывания (парцеллы) и их «нанизывание» на исходное ПП. Каждый парцеллированный фрагмент внутренне предцировано и может быть развернут в самостоятельное предложение, ср. пр.:

*Союз Беларусь – Россия составил свой рейтинг «самых-самых». **Спортсменки. Красавицы. Наши**. [РГ, №44, 01.03.2018]; МОК восстановил в правах Олимпийский комитет России. **Наконец-то**. [РГ, №44, 01.03.2018]; А впрочем, **плей-офф есть плей-офф**, здесь любой соперник опасен и грозен. **Однако не страшен. Тем более таким бойцам, как у Скудры** [НС, №8, 28.02. – 06.03.2018; Скудра – главный тренер команды «Торпедо»]; В Татарстане увольняемых работников Ford Sollers **постараются трудоустроить на соседние предприятия. На новое шасси**. [РГ, регион. приложение, №71, 02.04.2019]; ... **ответ на то, что с нами происходит, нужно искать прежде всего в наших головах. В коллективном***

человеке. И, конечно же, в нашей истории, которая часто идёт по кругу [РГ, №71, 02.04.2019]; С приходом тепла и удлинением светового дня изменения происходят в организме каждого из нас. **Иногда совсем не очевидным образом. Вот, например, самые яркие весенние трансформации человека.** [КП, №18, 02–08.05.2019].

Аналогичное явление парцелляции довольно встречается и в современной чешской публицистической речи. Вот несколько примеров:

*Přítom musel «Big Nedo» nedávno zatraceně bojovat, aby unikl smrti: **Zlověstný nález. Operace Léčba. Čekání na dobré zprávy.*** [MF, 24.09.2016]; *Oblékat se do dresu brněnské Komety je pro jejího útočníka Jana Hrušku zcela odlišné než strojit se na zápas v jiných týmech, jimiž prošel. **V Kometě je to pocta. Hrdost, že můžu nosit znak tohoto klubu, být součástí mančafu z mého rodného města. O to je pro mě hrani za Kometu cennější*** [MF, 31.08.2018]; *Spisovatelka Viktorie Hanišová (1980) vyslala za čtenářem třetí prozu, které dominuje ženská hrdinka. **Jenže jaká hrdinka: neúplná, rozbitá, zoufale hledající. A nakonec nacházející. Jednou vztah k adoptované dceři, podruhé k vlastnímu otci – a potřeťi?*** [MF, 11.05.2019]. *S protézou otevírám dveře, plavu, řídím auto, všechno zvládám. **Musím. Jen při pozdravu podávám levou ruku*** [MF, 07.09.2019].

5. Неагентивность как активный инновационный процесс в современной русской речи. Это процесс, проявляющийся в значительном расширении сферы применения – вместо *личных* конструкций – *неагентивных*: безличных и пассивно-возвратных. Особенно примечательно то, что в тех ситуациях, когда по логике необходимо «присутствие» агенса, в речи возникают безличные или пассивно-возвратные структуры, выражающие бессубъектность или же представляющие действие (состояние) как происходящее помимо воли самого субъекта. Действительно, русский язык предоставляет говорящему массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Речь идет о различных способах такой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного предложения типа *Мне хочется* – активному *Я хочу*, *Мне не верится* – личному *Я не верю*. Это выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной. Неагентивные конструкции широко представлены в современном русском языке: и в медиаречи, и в разговорной речи, ср. пр.:

Хочется верить**, что строительство сухогрузов подобного типа **будет продолжено [ТВ, Россия-1, «Вести Приволжья», 20.04.2018]; ***Спето** действительно на высоком уровне* [ТВ, 1-ый канал, «Один в один», 09.03.2019]; *Девушка выросла, вот только ее внутренний мир оставал-*

ся на уровне **заложенной** мамой маленькой девочки. **Ожидаемо**, что с годами красивая девушка стала пользоваться большим успехом у мужчин [АиФ, №16, 18–24.04.2018]; ... получается компактный, понятный спектакль, который **смотрится** очень хорошо [НП, 21.02.2018]; Собакам нужна горячая пища. А вот сладкое **запрещено**. Кстати, одним собакам **работается** на сытый желудок, другим на голодный, а кому-то это неважно [НП, 27.12.2017]; До смешного **доходило!** Самое лакомое за общим столом **должно доставаться** только ей. Это она аргументировала просто: Люсе **должно быть вкусно**. [АиФ, №16, 2018]; С сигаретой **было поступлено** абсолютно несправедливо [Media forum 4yva4ka, 11.5. 2008].

Итак, можно видеть, насколько многообразны, сложны, разнонаправлены инновационные изменения, происходящие в структуре и функционировании словосочетания и простого предложения в русском языке за последние два десятилетия.

Проведённый анализ позволяет выделить важнейшие *общие тенденции* изменений в русском синтаксисе, которые проявляются – на фоне чешского языка – более широко и многообразно.

1. Тенденция демократизации современного русского синтаксиса. Такие процессы, как экспансия предложных структур, сегментация, актуализация структуры ПП, компрессия, парцелляция, предпочтение в речи коротких неразвернутых ПП – всё это как результирующая сила и приводит к «синтаксической свободе», непринужденности русского синтаксиса.

2. В современном русском языке вновь наблюдается **тенденция к развитию синтаксического синкретизма**, но, в отличие от древнего синкретизма, на новом уровне – ментальном. Многие рассмотренные изменения (транспозиция, диффузность, неотчетливость семантики в новых предложных структурах, компрессия, парцелляция) свидетельствуют о недифференцированности имплицитных смысловых отношений, о неупорядоченности или необязательности форм выражения семантических отношений. Так общим принципом организации синтаксических структур становится превалирование *семантического* плана высказывания над его формальным планом.

3. В русском синтаксисе заметна **тенденция развития от синтетизма к аналитизму**, которую представляют такие синтаксические изменения, как транспозиция, экспансия предложных структур в беспредложных словосочетаниях, ослабление падежных функций, усиление предложно-падежного управления в подчинительных словосочетаниях.

Полученные в работе результаты, несомненно, должны найти практическое применение в лингводидактике, в том числе в преподавании в чешской среде русского языка как иностранного.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (2008): Активные процессы в грамматике. In: *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, с. 187–267.
- ГЛОВИНСКАЯ, М. Я. (2000): Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок). In: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, с. 237–304.
- ГОЛОВИН, Б. Н. (1994): *Основы теории синтаксиса современного русского языка*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (2000): Введение. In: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, с. 9–31.
- КРЫСИН, Л. П. (2008): Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века. In: *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, с. 13–29.
- КРЫСИН, Л. П. (2010): Об одном типе нарушений синтаксической нормы. In: *Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН*. Москва: Языки славянских культур, с. 200–204.
- РЫЛОВ, С. А. (2011): Синтагматическая организация простого предложения-высказывания в сопоставлении с чешским. In: *Rossica Olomucensia L. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXI. Olomoucké dny rusistů – 07.09–09.09.2011*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, s. 255–259.
- СИРОТИНИНА, О. Б. (2017): От чего зависит эффективность коммуникации? In: *Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов*. Саратов: Издательство Саратовского университета. Вып. 17, с. 5–17.
- СЭСРЯ (2003): *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М. Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука.
- HRDLIČKA, M. (2013): *Bohemistické miniatury*. Praha: Univerzita Karlova.
- LINGEA (2011): *Slovník současné češtiny*. Brno: Lingea s.r.o.
- VYSLOUŽILOVÁ, E. (2005): Aktivní procesy v morfologickém systému ruštiny (lingvodidaktický přístup). In: *Rossica Olomoucensia XLIII (za rok 2004)*. Ročenka katedry slavistiky na Filozofické fakultě Univerzity Palackého. Olomouc, s. 125–130.

Профиль автора:

Станислав Александрович Рылов, кандидат филологических наук, доцент
Научные интересы: синтаксис русского языка в синхронии и диахронии, тенденции развития структуры простого предложения, чешский язык в сопоставлении с русским, преподавание чешского языка как иностранного в русской среде
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Институт филологии и журналистики
Нижний Новгород
ул. Большая Покровская, 37
603 000, Россия
www.unn.ru
standap46@mail.ru

ЕКАТЕРИНА МЕЛЬНИЧУК

Польша, Люблин

АВТОМИФ О СТРАДАЮЩЕЙ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГУРО (СВЕРХПОВЕСТЬ «БЕДНЫЙ РЫЦАРЬ»)

... я мог бы года,
иссушая себя как лимон,
черпать мифы из родника моей жизни...
[Белый 1922: 64]

...миф есть в словах данная чудесная личностная история.
[Лосев 1991: 169]

АБСТРАКТ:

Automythography of the suffering mother in works of Elena Guro (a supertale *The Poor Knight*)

The paper presents an attempt to reconsider the problem of myth in the works of Elena Guro. In the known works of literary criticism devoted to the creative heritage of the writer, e.g. in the papers of V. N. Toporov, the myth of the Guro's son was considered as a futuristic idea of overcoming time (incarnation, death and resurrection). Our study undertakes the first attempt to interpret the 'supertale' *The Poor Knight* in relation to the problems of myth (according to the concept of M. Eliade), and to the automythography of a 'suffering mother'.

KEY WORDS:

Myth – automythography – Elena Guro – Marian myth.

Вопрос об авторском мифе, или автомифологии, несомненно, один из важнейших в эпоху Серебряного века [Мелетинский 2000], представляется весьма значительным применительно к творчеству Елены Гуро

и, что знаменательно, он остается практически неисследованным. Отсюда и тема нашей статьи. Проблема мифологического присутствия у Гуро до сих была рассмотрена Т. Л. Никольской [Никольская 2002], а также В. Топоровым, который в своих работах, посвященных анализу мифа юноши-сына и его смерти в творчестве писательницы, утверждал: «Сын и его ранняя смерть оказываются мифопоэтической фикцией, но даже утраченный или только мыслимый сын выступает в этом случае как **“реальность” материнского сознания**¹ – его потенции, надежды, жалости-сострадания, ожидания-радости и прощания-горечи» [Топоров 1995: 405]. Следуя мысли ученого, в данной работе сосредоточим свое внимание именно на *реальности материнского сознания*, а точнее на его воплощении в образе главной героини сверхповести «Бедный рыцарь» – Эльзы. Работа будет направлена на исследование вопроса об авторской саморепрезентации, обогащенное философско-эстетическими изысканиями относительно неомифологизма в русской литературе рубежа XIX–XX веков, и на истолкование авторского мифа писательницы о страдающей матери.

1. Автомиф о страдающей матери Гуро в соотношении с Богородичным мифом

Напомним, что на рубеже XIX–XX вв. (период, в котором творила Е. Гуро) заметно активное возобновление общекультурного интереса к мифу [Лотман, Минц, Мелетинский 1980: 224]. В литературе процесс ремифологизации частично опирался на новое апологетическое отношение к мифу «как к вечно живому началу, провозглашенное философией жизни (Ф. Ницше, А. Бергсон), <....> на психоанализ З. Фрейда и особенно К. Юнга, а также на новые этнологические теории» [Колядич 2005: 34]. Стоит также отметить особую роль Р. Вагнера, основоположника неомифологизма, который утверждал, что именно в мифах «почти полностью исчезает условная, объяснимая только абстрактным разумом форма человеческих отношений, зато в них с неподражаемой конкретностью показано только вечно понятное, чисто человеческое, именно это и придает каждому подлинному мифу легко отличимый индивидуальный характер» [Вагнер 1978: 511]. Русская мифологистика указывала на наличие в мифе поэтического олицетворения земного через небесное (А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, Н. Ф. Сумцов), а также ритуально-обрядовой основы (Д. К. Зеленин, В. Я. Пропп) [Косов 2007]. А мифотворчество в русском символизме вообще было объявлено це-

¹ Здесь и далее все выделения мои – Е. М.

люю поэтического творчества [Лотман, Минц, Мелетинский 1980: 225], где «воспроизводится не только сюжет мифа, или идея мифологичности, но и мифологическое мышление» [Сочивко 2013: 12]. Значительной также в эпоху символизма, как отмечает З. Минц, оказывается идея житнетворчества, следуя которой писатели и поэты создают авторские мифы, не отделяя их от действительности [Минц 2004: 59–96] и используя при этом созданный ими мифологический язык.

При попытке же изучения проблематики автомифа у Гуро обращает на себя внимание следующее суждение Елены Тырышкиной: «Модель авторской репрезентации может быть объяснена, исходя из религиозных воззрений Е. Гуро. Ее ощущение себя “матерью всему” и обращение к эфирному юноше-сыну, судьба которого недвусмысленно коррелирует с крестными муками Христа, позволяет говорить о **Богородичном автомифе**» [Тырышкина 1999: 155]. Здесь важно подчеркнуть, что самоотождествление писательницы с Богородицей не столь очевидно, не выражено напрямую в ее творчестве. Но оно становится очевидным при рассмотрении вопроса о сакрализации отношений мать-сын именно в произведении «Бедный рыцарь».

Сверхповесть имеет сложную многослойную тематическую структуру [Цимборска-Лебода 1993: 43–44]. С нашей точки зрения, в «Бедном рыцаре» отчетливо выделяются пять тематических аспектов: мифологический, религиозный, вагнерианский, фольклорный, аспект рыцарской традиции. Эти темы сложным образом переплетаются за счет явных и неявных реминисценций, а также контекстуальных отсылок. На мифологическом уровне интерес вызывает нехарактерное для эпохи символизма раскрытие образа страдающей матери. Напомним, что в этот период, на рубеже XIX–XX вв., женский вопрос занимал, несомненно, важное место в философско-литературном дискурсе, где женщине отводилась роль носительницы культурной памяти [Цимборска-Лебода 2000: 182–183]. Мифическими женскими образами преимущественно были: вакханка, менада, Психея, Ариадна, *femme fatale*. Гуро же предлагает иной способ выражения женственности, акцентируя при этом иное проявление любви. Имеется в виду любовь материнская, жертвенная, страдальческая. Как уже отмечалось нами в предыдущих работах, основной сюжет сверхповести «Бедный рыцарь» – это история отношений между матерью и сыном, которая на мифологическом уровне отсылает читателя к известным мифам об Эроте и Афродите, об Иокасте и Эдипе [Мельничук 2019]. Но весьма важным окажется также и другой аспект, а именно – религиозный. В свете христианской традиции данный сюжет может являться олицетворением материнской

божественной любви Богородицы к своему Сыну. Приведем фрагмент повести:

Все отдаю тебе в теплые верные руки, Христос!
Мои материнские долгие ночи,
Мои тропинки,
Мои далекие думы и опасения – будет – не будет,
Все отдала тебе в светлые руки,
Все отдала тебе, светлоглазый,
И я спокойна, как в лодке [Гуро 1993: 172].

На наш взгляд, автор «Бедного рыцаря» соотносит авторский миф с фигурой страдающей Матери и, как замечает Тырышкина: «у Е. Гуро нет замещения Богоматери собой, есть **проецирование, транспонирование** вечных евангельских сюжетов в земной реальности» [Тырышкина 1999: 158]. «Бедный рыцарь» – это повесть о непонимании окружающими людьми личности и учений воздушного юноши: «Он приобщился подверженному унижениям телу. Он терпит унижительную боль людей... Обнажено для боли его тело и покрыто ранами» [Гуро 1993: 177]. Только Эльза по-настоящему знала сына и пыталась защитить от искажений его нравственный облик, борясь тем самым с этическим релятивизмом своих подруг. Она, подобно Матери Христа, хотела перенять все его унижения и боль: «И давно ей следовало его любить, чтобы быть ближе к нему и часть его муки мечтой взять на себя» [Гуро 1993: 186]. Знаменательно также следующее – любимым занятием Эльзы было рукоделие: «С раннего утра садилась госпожа Эльза за пяльцы и вышивала» [Гуро 1993: 148]. Как Мария, согласно апокрифу «Первоевангелие Иакова Младшего», прядла младенческое «тело Иисуса Христа из пурпура материнской крови в утробе» [Мифология 2008: 345], так героиня Гуро «вышивала в пяльцах голубым бисером» обожествление своего сына-Рыцаря [Гуро 1993: 154].

Для изучения проблематики мифа и его трансформации² в творчестве Гуро, особенно важной и содержащей интересующий нас опыт истолкования мифа в целом, представляется работа Мирчи Элиаде «Аспекты мифа». Существенно само определение мифа, которое философ дает в начале своего труда: «миф излагает **сакральную историю**, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена “начала всех начал”. Миф рассказывает, каким образом реальность, благода-

² Проблематику трансформации мифосознания исследовали А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг, Р. Барт, М. Элиаде и др.

ря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только ее фрагмент: остров, растительный мир, человеческое поведение или государственное установление. <...> В целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные **проявления священного (или сверхъестественного)** в этом мире» [Элиаде 1994а: 14–15]. Думается, данное определение применимо и к мифу Гуро. «Бедный рыцарь» раскрывает перед читателем священную историю земной матери, которая в процессе инициации/сакрального посвящения проходит путь совершенствования и единения с Богом [Мельничук 2018: 85–86]. В начале сверхповести протагонистка Эльза – это одинокая, страдающая мать, тоскующая по умершему сыне:

На краю города жила мать, у которой умер сын. И так она тосковала, и все вещи для нее почти умерли. Волосы у нее были некрасивы, как бывают у одиноких женщин, и на окне у нее стоял некрасивый, растрепанный полувysохший цветок. Приходившие люди смеялись над нею и над уродливым ее жалким растением... [Гуро 1993: 182].

Проявлениями сверхъестественного в истории Эльзы являются моменты ее встречи с сыном. О сакральном характере отношений героев свидетельствует, прежде всего, ритуально-обрядовая основа их свиданий. Напомним, сын-рыцарь прибывает со специальной миссией – посвятить мать в тайну любви. Но более важным, по Гуро, оказывается не сам ритуал инициации, а то, чем он завершается. В заключении первой части сверхповести читаем следующие строки:

Так простертыми останемся
И прикованными навсегда
Вознесется к любви бессмертной
Освобожденная земля [Гуро 1993: 194]

И далее:

И пришло время, что перестала видеть сына и **не печалилась, верила** в его любовь и знала, что такая любовь – все запахи радостей земных, берез и смол, и тающих снегов, и **содержит в себе все тепло и счастье мира**, и что этой любовью сын любит ее [Гуро 1993: 194].

Пройдя тяжелый путь искушений и страданий, Эльза достигает духовной свободы. Гуро сравнивает ее с *освобожденной землей*, которая избавилась от горечи, печали, страха и потерь. Мать, посвященная в тайну любви, постигает полноту бытия: внутреннюю гармонию, единение с миром и с Богом. Она как бы пересекает границу земного существова-

ния и обретает священное/сакральное существование. Святое/сакральное, по мнению Элиаде, и есть проявление полноты слияния с Бытием. «Именно поэтому миф, повествующий об этой священной онтофании, об этом победном проявлении полноты бытия, становится образцовой моделью всякой человеческой деятельности: он сам по себе открывает реальное, сверх-изобильное, эффективное» [Элиаде 1994b: 66]. И данное суждение философа, несомненно, применимо к мифу у Гуро, поскольку в нем писательница указывает и показывает идеальные модели существования. Имеется в виду не только соединение с Богом в вере и любви ко всем живым существам и растениям (то, к чему естественно призывает сын-рыцарь), но также и верность рыцарским идеалам, рыцарской традиции. Это как бы созвучно бердяевской мысли о том, что «рыцарство – вечно по своему заданию. Оно внесло в мир героические ценности – ценность жертвенной чести и жертвенной верности. В рыцарстве ковалась личность» [Бердяев 1916: 258]. Гуро же устами своего героя призывает:

Не будь брезглив – брезгливость последствие презрения и неприязни к существующему, чуждому тебе, а также трусость. Будьте доблестны, рыцари, и вы будете чисты [Гуро 1993: 154].

2. Авторская репрезентация Елены Гуро

Важно в этой связи напомнить, что Бенедикт Лившиц предлагал рассматривать трагедию материнства как основную тему мифопоэтического творчества Гуро, непременно связанную с реальностью биографических фактов [Лившиц 1989: 645]. А основатель русского имажинизма Вадим Шершеневич именовал Гуро первой поэтессой-матерью, хотя, как известно, детей у нее на самом деле не было, однако она сама утверждала, что была и чувствовала себя «матерью всех вещей, всех живых существ» [Шершеневич 1914: 75]. В «Небесных верблюжатах» мы читаем следующие строки:

А **теплыми словами** потому **касаюсь жизни**, что как же иначе касаться **раненного**? Мне кажется всем существам так холодно, так холодно. Видите ли, **у меня нет детей**, – вот, может, почему я так неистерпимо люблю все живое. Мне иногда кажется, что **я мать всему** [Гуро 1993: 134].

Нетрудно заметить, что в данном фрагменте автор сама указывает на возможную связь событий личной *израненной* жизни и ее литературного творчества. Более того, по мнению Романа Мниха, в этих словах писательница выражает манифест материнства, который, возможно, имеет мифологические корни [Мних 2008: 180]. Борис Гусман же по-

лагал, что вообще весь ее сборник «Небесные верблюжата» проникнут неосязаемой материнской любовью ко всему живому на земле. В своих размышлениях о поэтическом творчестве Гуро писатель задается вопросом: существует ли еще такой поэт (кроме Гуро), у кого «**факты жизни** так неразлично **превращались** бы в живые **факты слова**, превращались бы так полно, так убедительно, живо, что сама **грань** между ними становится **несуществующей**» [Гусман 1923: 80]. На наш взгляд, воображаемость этой тонкой грани, ее мнимость и, возможно, полное отсутствие, а также глубочайшая вера в живую силу творческого слова, которое способно перевоплотиться, трансформироваться в реальность, особенным способом указаны в повести-завещании Гуро «Бедный рыцарь». Имеется в виду то, что в образе главной героини – матери Эльзы – писательница начинает осуществлять свою уникальную экзистенцию, которую, вслед за Роланом Бартом, можно определить как бумажное/литературное бытие [Barthes 1998: 187–195]. Гуро, как автор, перерождает себя в одном из персонажей, и, таким образом, ее личная жизнь уже не является предметом вдохновения для сюжета повести, а становится ее противопоставлением.

Сама же писательница постигала жизнь и окружающий ее мир через свою неосуществленную материнскую любовь ко всему:

Боль, когда сердце разрывается в пространство – к дереву, вечеру, небу и кусту. И любит потому, что не любить, что не любить оно не может... [Гуро 1993: 65]

По мнению Зары Минц, устойчивым мотивом всего творчества писательницы является сюжет о нерожденном или умершем сыне, а под именем героини Эльза, встречающимся в некоторых ее произведениях, фигурирует сама Гуро [Минц 2004: 323]. Мечта о ребенке, о сыне воплотилась в облике воздушного юноши – Бедного рыцаря, пусть даже не из крови и плоти, но все-таки сына. И Гуро в литературной экзистенции была ему матерью. Важно здесь само понятие экзистенциального пребывания, экзистенциальной истины, которую, по Сёрену Кьеркегору, невозможно познать, а только лишь пережить [Кьеркегор 2005]. Гуро не довелось испытать все горести и радости реального материнства, но она смогла **пережить** его именно в образе героини – матери Эльзы. Стоит также отметить следующее: в «Бедном рыцаре» авторская репрезентация происходит на мифологическом уровне. В этой связи уместно привести еще раз слова эпитафии, в которых присутствует мифологическая нота. Белый писал: «...я мог бы года, иссушая себя как лимон, черпать **мифы** из **родника моей жизни...**», и далее Лосев: «...миф

есть в словах данная чудесная личностная история». На наш взгляд, история госпожи Эльзы и ее воздушного сына – это не что иное, как созданный Гуро авторский миф о страдающей матери.

Подытоживая наши рассуждения, уместно будет вместо заключения привести слова упомянутого выше Бориса Гусмана, который высоко оценил творческое достояние Гуро:

«Творить из себя, из мельчайших крупинок своей души создавать легенды, все раскрыть, обнажить и запечатлеть в судорожном слове, зажечь свою душу гордым безумием полной вскрытости, говорить только своими словами и творить свою красоту – такова правда Елены Гуро» [Гусман 1923: 79].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARTHES, R. (1998): *Od dzieła do tekstu. Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja*, 1998, nr 6 (54), s. 187–195.
- БЕЛЫЙ, А. Н. (1922): *Записки чудака*. Т.1, Москва-Берлин: Геликон.
- БЕРДЯЕВ, Н. (1916): *Смысл творчества*. Москва: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова.
- ВАГНЕР, Р. (1978): *Избранные работы*. Сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова, вступит. ст. А. Ф. Лосева, пер. И. Татариновой. Москва: Искусство.
- ГУРО, Е. (1993): *Небесные верблюжата, Бедный рыцарь. Стихи и проза*. Ростов-на-Дону: Ростовский Университет.
- ГУСМАН, Б. (1923): *100 поэтов. Литературные портреты*. Тверь: Октябрь.
- КОЛЯДИЧ, Т. М. (2005): *Русская проза конца XX века*. Москва: Академия.
- КОСОВ, А. В. (2007): Мифосознание: содержание и структура (05.06.2007), cyberleninka.ru/article/n/mifosoznanie-soderzhanie-i-struktura/viewer
- КЪЕРКЕГОР, С. (2005): *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. Пер. Н. Исаева и С. Исаев. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета.
- ЛИВШИЦ, Б. К. (1989): *Полтороголазый стрелец; Люди в пейзаже; Автобиография*. Ленинград: Изд. писателей в Ленинграде.
- ЛОСЕВ, А. Ф. (1991): *Философия. Мифология. Культура*. Москва: Политиздат.
- ЛОТМАН, Ю. М., МИНЦ, З. Г., МЕЛЕТИНСКИЙ, Е. М. (1980): *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Москва: Сов. энциклопедия.
- МЕЛЕТИНСКИЙ, Е. М. (2000): *Поэтика мифа*. Москва: Наука.
- МЕЛЬНИЧУК, Е. (2019): Вагнерианский слой в творчестве Елены Гуро (сверхповесть «Бедный рыцарь»). In: *Пражская Русистика 2019*, рецензированный сборник статей конференции, в печати.
- МЕЛЬНИЧУК, Е. (2018): Категория рыцарства и символика рыцаря в сверхповесть Елены Гуро «Бедный рыцарь» (в контекстуальном освещении). *Acta Humana*, 2018, vol. 9, с. 77–90.

- МИНЦ, З. Г. (2004): Футуризм и «неоромантизм». К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Ел. Гуро. In: *Блок и русский символизм: избранные труды. Поэтика русского символизма*, Санкт-Петербург: Искусство.
- Мифология* (2008). Энциклопедия. Москва: Большая Российская энциклопедия.
- МНИХ, Р. (2008): Сущность и формы женской симпатии в эстетике авангарда: Елена Гуро и Дебора Фогель. In: M. Symborska-Leboda – A. Gozdek (eds): *Kobieta i/jako Inny. Mit i figury kobiecości w literaturze rosyjskiej XX–XXI wieku (w kontekście europejskim)*. Lublin: UMCS, с. 175–187.
- НИКОЛЬСКАЯ, Т. Л. (2002): О рецепции творчества Елены Гуро в русской поэзии 1910–1920-х годов. In: Никольская Т. Л. *Авангард и окрестности*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002, с. 173–180.
- СОЧИВКО, Е. Д. (2013): Ремифологизация в культуре XX века и роль мифологического мышления в литературе (13.02.2014), research-journal.org/languages/remifologizaciya-v-kulture-xx-veka-i-rol-mifologicheskogo-myshleniya-v-literature/
- ТОПОРОВ, В. Н. (1995): *Миф, Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. Москва: «Прогресс» – «Культура».
- ТЫРЫШКИНА, Е. (1999): Религиозная концепция Е. Гуро и принципы авторской репрезентации в свете апокрифической традиции. In: N. Baschmakoff – O. Kuslina – I. Loscilov (eds.): *Studia Slavica Finlandensia*, Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, с. 150–161.
- ЦИМБОРСКА-ЛЕБОДА, М. (1993): О поэтике Елены Гуро. «Бедный рыцарь», *Slavia Orientalis* 1993, № XLII/1, с. 43–57.
- ЦИМБОРСКА-ЛЕБОДА, М. (2000): Женщина в аспекте культурной памяти и культурных ролей. In: Ch. Engel – R. Reck (eds). *Frauen in der Kultur. Tendenzen in Mittel- und Osteuropa nach der Wende*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, с. 179–190.
- ШЕРШЕНЕВИЧ, В. (1914): Поэтессы. *Современная женщина*, 1914, № 4, с. 70–76.
- ЭЛИАДЕ, М. (1994а): *Аспекты мифа*. Пер. В. Большакова. Москва: Академический проспект.
- ЭЛИАДЕ, М. (1994b): *Священное и мирское*. Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. Москва: Изд-во МГУ.

ПРОФИЛЬ АВТОРА:

Екатерина Мельничук, магистр, аспирант

Область научных интересов: русская литература XX века, проблематика агапэ, творчество Елены Гуро.

Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине

Pl. Marii Curie-Skłodowskiej 5

20-031 Lublin

Polska

katiamielniczuk@gmail.com

Ильясова Светлана Васильевна, Амири Людмила Петровна: *Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия.* Москва, Флинта, Наука, 2018, 328 с., ISBN 978-5-9765-2075-2 (Флинта), ISBN 978-5-02-038858-1 (Наука)

Рецензируемая монография посвящена исследованию разнообразных приемов языковой игры, представленных в современных российских средствах массовой информации и рекламе. Актуальность темы очевидна, поскольку языковая игра, проявляющаяся на всех уровнях языка, получила в настоящее время широкое распространение в текстах газетного и рекламного дискурса.

Монография состоит из предисловия, семи глав, списка использованной литературы, насчитывающего 249 наименований, а также списка сокращений.

В первой главе «СМИ, реклама и языковая игра» рассматриваются особенности языка современных средств массовой информации, которые к началу XXI в. превратились в сильнейшее средство воздействия на массовое сознание: «Можно сказать, что в СМИ функция воздействия, убеждения начинает вытеснять остальные языковые функции (например, информирование), и средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [с. 12]. Затрагивая вопрос изменения массмедийной нормы в сторону снижения, авторы обращают внимание на то, что сниженная лексика нередко используется в современных СМИ в качестве базы для языковой игры. Выявляются также отличительные характеристики рекламного текста, представляющего собой «особый тип текста, в котором прагматичность реализуется единицами практически всех языковых уровней» [с. 22]. Говоря о нормативных аспектах рекламного текста, авторы отмечают: «Понятие нормы в рекламном тексте носит сравнительно относительный характер. Скорее можно говорить о некоей типологии отступлений от языковой нормы, чем следовании ей при создании рекламного текста» [с. 27].

Обобщая результаты изучения феномена языковой игры в российском языкознании конца XX – начала XXI в., С. В. Ильясова и Л. П. Амири выделяют два основных подхода к языковой игре (ЯИ): «представители первого связывают ЯИ с сознательным нарушением нормы, вторые видят в ЯИ отклонение от определенных правил, но в пределах нормы в обоих определениях подчеркивается деструкция речевой нормы и творческий характер ЯИ» [с. 33].

Подробно анализируются функции языковой игры в СМИ и рекламе. Обращая внимание на то, что «манипулирование языком в игровых целях может иметь не тот результат, на который адресант рассчитывал» [с. 40], авторы монографии исследуют причины возникновения коммуникативной неудачи в языке массмедиа и рекламы.

Вторая глава «Фонетическая игра в рекламе» посвящена анализу звукового образа рекламного текста и выявлению наиболее широко применяемых в рекламе приемов языковой игры на фонетическом уровне, к которым относятся звукоподражание, игра с омографами и омоформами, обыгрывание межъязыковой омонимии и т.п. Выделяя три плана реализации фонетической игры в рекламе (звуковой, звукографический, графический), Л. П. Амири справедливо отмечает, что «орфографическая ошибка как игровой прием, сопровождающий фонетическую ЯИ, всегда придает тексту комический эффект» [с. 57].

В третьей главе «Графическая игра» исследуется широко распространенный в современной публицистике и рекламе феномен манипулирования средствами графики. Российские лингвисты неоднократно обращались к исследованию данного явления, о чем свидетельствует многообразие терминов, предлагаемых для обозначения слов, созданных путем графической трансформации исходной узуальной лексемы: *графические каламбуры* (В. Г. Костомаров), *визуальные неологизмы* или *неологизмы-написания* (Е. В. Маринова), *графические окказионализмы* (Б. В. Кривенко), *графодериваты* (Т. В. Попова). Некоторые ученые выделяют особый способ образования слов, возникающих в результате графических манипуляций: *графиксация* (В. П. Изотов) или *графодеривация* (Т. В. Попова). Особое внимание авторы монографии уделяют рассмотрению явления псевдомотивации, которое лежит в основе механизма графической игры и проявляется в «разрушении устойчивых, привычных связей между словами и создании новых, неожиданных» [с. 63]. В продолжении главы приводится детальный анализ приемов графической игры, под которой понимается «такое использование разнообразных средств параграфематики: шрифтового выделения, варьирования шрифтов, символов, скобок, кавычек и др., –

которое направлено на реализацию воздействующей функции языка СМИ и рекламы» [с. 68]. Как показывает материал, в языке СМИ самым распространенным приемом графической игры является капитализация, заключающаяся в выделении части слова при помощи прописных букв, а наиболее частотны примеры графического выделения корневой или служебной морфемы, например: **УДАРник** *полевого труда*; *Борьба ИДЕЙного уровня*; **переЗАгрузка** и др. [с. 68–69]. Подробно рассматриваются примеры графической игры с именами собственными (антропонимами, топонимами, а также названиями, относящимися к сфере массовой культуры) и аббревиатурами. Исследуются разновидности графогибридизации, в результате которой создаются окказионализмы, оформленные при помощи графических средств разных языков (игра с кириллицей и латиницей), например: **LENNYнград** (заголовок статьи о визите рокера Ленни Кравица в Северную столицу); **PRузнания PРекрасных** *незнакомок* и т.п. [с. 87–93]. В одном разделе объединены менее частотные типы графической игры, встречающиеся в языке современных СМИ, к которым относятся дефисация, пробел, квотация, парентезис, графоморфоактуализация, слияние, исправления, вставки и др. [с. 93–99]. Особый раздел посвящен анализу игрового приема, заключающегося в нарушении «привычного графического облика узуального слова» и создании его «искаженного двойника» [с. 99]. Для обозначения подобных лексических единиц С. В. Ильясова предлагает термин *орфографические окказионализмы* и представляет разработанную ею на основе конкретного языкового материала типологию слов, появляющихся в текстах СМИ в результате намеренного нарушения орфографических норм русского языка [с. 99–104]. Во второй части третьей главы монографии рассматриваются особенности применения графической игры в рекламе. Использование графических приемов направлено на привлечение внимания потенциального потребителя, при этом именно «слияние словесного и визуального языка максимально способствует успешной реализации рекламного текста» [с. 106]. Проводится подробный анализ псевдочленения как приема графической трансформации текста, возникающей в результате шрифтовыделения. Игра со шрифтом и цветом позволяет извлекать из узуальной языковой единицы дополнительный смысл, привлекая внимание реципиента и вызывая у потенциального потребителя положительные ассоциации, связанные с рекламируемым продуктом. Исследуя различные способы реализации графической игры в рекламе, Л. П. Амири особое внимание уделяет использованию в рекламном тексте латиницы, а также параграфемных элементов – мате-

матических знаков (цифр), физических и денежных символов, знаков препинания, перевёрнутых букв и т.п.

В четвертой главе «Морфологическая игра» исследуется игровой потенциал морфологии русского языка, который «используется при создании массмедийных и рекламных текстов не столь активно, как, например, лексический» [с. 136]. Причину данного явления авторы монографии видят в закреплённости в грамматике современного русского языка морфологических признаков слов, от которых «в первую очередь зависит внутренняя структура языка, менее подверженная изменениям, чем внешняя» [с. 136]. Тем не менее именно языковая игра на морфологическом уровне является, по мнению авторов, «одной из самых сложных и тонких видов ЯИ в языке СМИ и рекламы» [с. 137], так как для ее понимания реципиент должен применить определенные языковые знания. К наиболее распространенным приемам морфологической языковой игры С. В. Ильёсова и Л. П. Амири относят образование окказиональных степеней сравнения от узуальных и окказиональных относительных прилагательных и имен существительных.

В пятой главе «Словообразовательная игра» рассматриваются словообразовательные инновации в языке СМИ и рекламы. Отмечается, что экспрессия в языке современных российских СМИ «побеждает» стандарт, что особенно ярко проявляется на словообразовательном уровне, так как даже те новообразования, которые созданы по высокопродуктивным моделям, «воспринимаются как необычные, номинативная функция явно подавляется экспрессивной» [с. 145–146]. Новые слова, созданные в результате языковой игры, анализируются в соответствии с их частеречной принадлежностью: рассматриваются имена существительные (агентивные и отвлеченные), имена прилагательные, отыменные глаголы, мотивированные существительными (нарицательными и собственными) и аббревиатурами, причастия и наречия. Особое внимание уделяется анализу использования ключевых слов как базы для словообразовательной игры в СМИ и исследованию таких продуктивных в современном медийном словотворчестве приемов, как контаминация, «предсказамус-прием» (образование слов по конкретному образцу), «фокус-покус прием» (рифмовка созвучных слов, одно из которых является искаженным двойником другого), заменительная префиксация и др. Вторая часть главы посвящена характеристике словообразовательной игры в рекламном тексте. Исследуются процессы образования окказиональных инноваций в языке российской рекламы, которые «чаще всего созданы по образцу существительного, глагола, прилагательного и наречия» [с. 234]. Подробно рассматривается контаминация

как разновидность окказионального словообразования, при этом подчеркивается, что особенно часто в последнее время в рекламном тексте встречаются «контаминации с графически выделенным сегментом или суперграфемы» [с. 235].

Шестая глава «Игра с прецедентными феноменами» начинается с обзора исследований, посвященных феномену интертекстуальности и прецедентности, а также предлагающих различные классификации прецедентных единиц. По мнению авторов монографии, можно говорить о выделении нескольких аспектов изучения прецедентности в современной лингвистической науке: когнитивного, прагматического и лингвокультурологического. Отмечая, что «уже само включение прецедентного феномена в текст можно рассматривать как ЯИ со свойственной ей экспрессивностью и оценочностью», С. В. Ильясова и Л. П. Амири говорят о значительном усилении экспрессивного эффекта, являющегося результатом «разного рода трансформаций, которые происходят в прецедентных феноменах по воле автора» [с. 252]. На материале заголовков, выбранных из языка периодической печати начала XXI в., подробно исследуются трансформированные прецедентные тексты, к которым относятся стихотворные и прозаические цитаты, строки из известных песен, названия художественных и публицистических произведений, кинофильмов, а также пословицы, поговорки, крылатые выражения и др. Выделяя особенности функционирования прецедентных феноменов в современной рекламе, авторы подчеркивают, что использование цитат и аллюзий в рекламном тексте должно быть рассчитано «на массового потребителя, а не на образованного читателя-филолога» [с. 268]. Текст не должен быть слишком сложен для декодирования, так как несостоявшаяся дешифровка рекламного текста вследствие употребления «малоизвестного прецедентного феномена, требующего у массового, среднего потребителя знаний, которыми он не обладает» [с. 269], неизбежно приведет к коммуникативной неудаче. Следует подробный анализ способов обыгрывания прецедентных текстов в языке рекламы, источником которых являются поэзия и художественная литература, фразеологические единицы, российские и зарубежные художественные фильмы и мультфильмы, музыкальные произведения, культурно-исторические реалии из таких сфер, как история, живопись, музыка и т.д. Существенным представляется утверждение Л. П. Амири о том, что «современная реклама может сама быть источником появления прецедентных рекламных текстов» [с. 286], особенность функционирования которых заключается в их «временной» прецедентности [с. 287].

В седьмой главе «Обыгрывание неоднозначности в рекламном тексте» исследуются процессы создания неоднозначности через обыгрывание полисемии и омонимии. Обращая внимание читателей на то, что речевая неоднозначность в рекламном тексте может быть намеренной или ненамеренной, Л. П. Амири особое внимание уделяет анализу намеренной речевой неоднозначности, которая может быть как приемлемой, так и неприемлемой, т. е. «нарушающей этические нормы и вызывающей общественный резонанс» [с. 304].

В монографии С. В. Ильясовой и Л. П. Амири представлены результаты глубокого и всестороннего исследования специфики функционирования игровых приемов и средств, используемых в языковой игре на различных уровнях языка – фонетическом, графическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом. Теоретические выводы проиллюстрированы многочисленными примерами, свидетельствующими о том, что языковая игра представляет собой одну из характерных особенностей современного массмедийного и рекламного дискурса. Монография является оригинальным исследованием, которое содержит доказательные научные обобщения и богатый систематизированный фактический материал. Книга С. В. Ильясовой и Л. П. Амири будет интересна не только специалистам-филологам, но и самому широкому кругу читателей, интересующихся актуальными процессами в языке современных российских СМИ и рекламы.

Марина Радченко

Марія Львівна Дружинець: Українське усне мовлення: психо- та соціофонетичний аспекти. Одеса, Одеський нац. ун-т, 2019, 580 с., ISBN 978-617-689-344-8

В європейському суспільстві, суспільстві з високим рівнем освіти й культури, неодмінно культивується висока оцінка зразкової літературної вимови. Саме цій проблемі присвячене монографічне дослідження Марії Дружинець, у якому представлено наукову кваліфікацію функційної природи орфоепічної синхронії в її проекції на психо- й соціофонетичну специфіку з урахуванням глибинних діахронічних процесів, що, на нашу думку, визначає максимальну актуальність рецензованої праці.

Монографічне дослідження п. Дружинець є першою працею, у якій досліджено нормативність усного українського мовлення у різних регіонах України: Південному, Західному, Східному, Північному, Центральному та за її межами – у Придністров'ї, державах Європи (Польща, Чехія, Італія, Німеччина, Молдова), Канаді, Америці, що уможливорює визначення статистики типових помилок та загального рівня володіння українцями орфоепічними кодифікованими мовними нормами. У роботі представлено нові дані про українську фоносемантику та звукову лінгвокольорову картину як національно-зумовлену систему, що функціонує на базі національної мови і відбиває особливості когнітивних структур національної свідомості, де саме кольори, «запрограмовані» на фоносемантичному рівні, як зазначає авторка, складають національну універсальну матрицю.

У монографічному дослідженні авторкою вперше розглянуто орфоепію в колі соціолінгвістичної парадигми із зазначенням прогресивних ліній її розвитку; виявлено й проаналізовано девіантні та деградаційні процеси сучасного українського усного мовлення в широкій амплітуді його безпосередніх виявів; представлено соціофонетичний опис мовлення української молоді, зокрема вимову голосних, приголосних, звукосполук українцями та європейцями, американцями, канадійцями українського походження, українцями-придністровцями; акцентовано увагу на гендерних особливостях сучасного мовлення української молоді; з'ясовано історичне коріння кожної орфоепічної норми, тим самим представлено діахронічну ретроспективу. Проаналізовано й психолінгвістичний аспект українського усного мовлення – комплексно вивчено психофоносемантичні характеристики й кольорові асоціації українського вокалізму та консонантизму на обсяжному експериментальному матеріалі.

Розглядаючи українське усне мовлення у двох вимірах (психо- й соціофонетичні аспекти), авторка логічно визначає й два вектори предмета дослідження: 1) визначення рівня володіння орфоепічними нормами української літературної мови молоддю; 2) з'ясування психофоносемантики звуків української мови, що в цілому максимально увиразнює наукову вагу пропонованої розвідки і надає ємний комплексний матеріал про різноаспектну специфіку національної звукової системи.

Джерельною базою дослідження стали 42 позиції української літературної спадщини XVIII–XIX ст. (загальний обсяг 6070 с.), та безпосередній фактичний матеріал, отриманий експериментальним шляхом: 1) результати 20 експериментів, 2000 анкет; 2) результати соціопитування – 370 записів мовлення інформантів Південної, Північної, Центральної, Східної України, Придністров'я, Молдови, Канади, Америки, Європи, зафіксовані на аудіоносії загальною тривалістю 1850 хвилин (31 година). Така фактографічна база дає підстави казати про максимальну верифікованість та об'єктивність отриманих авторкою висновків і, безумовно, заслуговує на схвалення.

Логічною вважаємо структуру монографічного дослідження, що складається з переліку умовних скорочень, вступу, чотирьох розділів, висновків, списку використаної літератури та додатків, у яких конкретизовано результати експериментів, соціопитувань та наведено паспортизацію респондентів. Змістовною постає презентація навчального видання «Український орфоепічний стандарт», яке забезпечуватиме бездоганне володіння орфоепічними нормами, та видання «Українське усне мовлення українців на теренах України та за її межами: орфоепічний аспект», що додаються на електронних носіях.

Позитивно оцінюємо й ідею авторки про необхідність чіткої деталізації етапів формування орфоепічних норм, виявлення історичних коренів кожної вимовної норми, що вона переконливо робить, спираючись на писемні пам'ятки давньої, старої та нової української літературної мови, адже саме в них, як зазначає М. Л. Дружинець, відбилися вимовні риси, більшість із яких стала орфоепічною нормою сучасної української літературної мови. На особливу увагу заслуговує вичерпний аналіз пам'яток кінця XVIII–XIX століття, що є власним дослідженням п. Дружинець. Безперечно, фіксація живої народної вимови у писаних текстах дає можливість простежити процес формування української орфоєпії, говорити про обґрунтованість, сталість певної вимовної норми, зробити переконливі висновки, що й представлено в монографічному дослідженні авторки.

Родзинкою двох останніх розділів в цілому є експериментальна частина, скерована зокрема на визначення рівня володіння орфоепією голосних, приголосних та звукосполук конкретними респондентами певної країни чи регіону України.

Норми вимови, як засвідчили спостереження дослідниці, перебувають у тісному зв'язку зі сферою діяльності мовців: представники негуманітарних спеціальностей удвічі частіше припускаються помилок у вимові. Рівень володіння орфоепічними нормами залежить не лише від локальних характеристик респондентів, а й від їхньої гендерної належності: він вищий у жінок і нижчий у чоловіків-респондентів обстежених регіонів України та інших країн.

Не викликає сумнівів і практична цінність роботи: матеріали дослідження можуть стати підґрунтям для укладання навчальних посібників, методичних рекомендацій, наукових розробок із проблем орфоепії та психофоносемантики, прислужатися студентам, дисертантам у написанні кваліфікаційних, кандидатських та докторських досліджень. Дані про символіку звуків оптимізуватимуть викладання рідної й іноземної мов, стануть у нагоді в перекладацькій діяльності тощо. Теоретичну цінність роботи увиразнює те, що вона прислужиться подальшій розбудові теоретичних підвалин сучасної української мови в цілому й історичної та сучасної орфоепії зокрема, поглибить доробок психолінгвістики та її психофоносемантичних аспектів у проекції на соціолінгвістичні виміри, що, у свою чергу, уяскравить практичний вектор виконаного дослідження.

Висновкова частина праці містить переконливі наукові узагальнення, побудовані на міцному фундаменті синтезу наукових ідей прагматики, комунікативної і сугестивної лінгвістики, соціо- та психолінгвістики.

Отже, рецензована праця, присвячена актуальній проблемі сучасного українського мовлення, містить глибинні висновки, які визначають наукову цінність монографічного дослідження М. Л. Дружинець «Українське усне мовлення: психо- та соціофонетичний аспекти», з яким ми рекомендуємо ознайомитися не лише науковцям-філологам, а й усім тим, хто цікавиться сучасним станом та історією української мови.

Алла Петрівна Романченко

Zofia Kozłowska, Anna Szczęsny: *Tłumaczenie pisemne na język polski. Kompendium*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018, 296 s., ISBN 978-83-01-19747-6.

Již řadu let se v translatologických kruzích hovoří o jistém vyčerpání jazykovědné a literárněvědné translatologie. Vidění překladu z hlediska těchto klasických filologických disciplín není – zdá se – bezbřehou záležitostí a má své limity. Snad proto se translatologie od 90. let 20. století zaměřuje na zkoumání přesahů a styčných ploch s dalšími obory, jako jsou psychologie, sociologie, kulturologie či dokonce ekonomie a mediální studia. Ani řešení praktických překladových problémů, k němuž se dnes translatologie také obrací, není zřejmě nevyčerpatelnou studnicí témat. I dnes samozřejmě vyvstávají před překladateli a tlumočníky výzvy, jimž v minulosti čelit nemuseli. S rozvojem technologií a s globalizací se tak do hledáčku postupně dostaly například otázky audiovizuálního překladu, komunitního tlumočení, počítačem podporovaného překladu nebo role překladatelů v jazykovém průmyslu. Zdá se, že tedy nastala vhodná chvíle dosavadní poznání shrnout, bilancovat a pokusit se jej uzavřít do pevně stanovených mantinelů jedné knihy.

Polská translatologie takto očividně postupuje. V posledních deseti letech vyšla knižně řada starších kanonických textů, které do té doby v polském prostředí chyběly či byly špatně dostupné, mj. *Współczesne teorie przekładu. Antologia* (red. P. Bukowski, M. Heydel 2009; české a slovenské čtenáře potěší přítomnost textů J. Levého, R. Jakobsona a A. Popoviče). Proběhla také bilance a částečná revize lingvistiky překladu a jejího metajazyka: *50 lat polskiej translatoryki* (red. K. Hejwowski, A. Szczęsny, U. Topczewska 2009); *Zagadnienia lingwistyki przekładu* (R. Lewicki 2017). Nebývalý rozkvět lze zaznamenat na poli přehledových publikací encyklopedického charakteru, mj. *Mała encyklopedia przekładoznawstwa* (red. U. Dąbska-Prokop 2000) a *Nowa encyklopedia przekładoznawstwa* (red. U. Dąbska-Prokop 2010). Zvýšená pozornost je věnována i otázkám výuky překladu, mj. v kolektivní monografii *Problemy współczesnej glottodydaktyki i nauczania przekładu* (red. J. Mampe, H. Hinc, A. Jarosz, 2017). V neposlední řadě máme k dispozici i několik příruček praktického rázu, určených jak odborné veřejnosti, tak překladatelům a adeptům překladového řemesla, jako je *Poradnik tłumacza* (A. Belczyk 2004, 2009) a *Vademecum tłumacza* (K. Lipiński 2000).

V této situaci přichází dvojice zkušených autorek Zofia Kozłowska a Anna Szczęsny se svým *Kompendiem* zaměřeným na písemný překlad odborného textu. Obě autorky pocházejí z uznávaného vědeckého pracoviště (Ústav aplikované lingvistiky na Varšavské univerzitě), jež se ostatně na mnoha

ze jmenovaných publikací podílelo. Z tohoto odborného a ideového záze-
mí autorky také ve své knize bohatě čerpají. V oboru translatoologie (neboli
przekładoznawstwa, jež se jako pojem v polském vědeckém prostředí v po-
sledních letech výrazně prosazuje na úkor dříve preferované *translatoryki*)
se již stihly zapsat vlastními úspěšnými pracemi o překladu vědeckých textů
(*O przekładzie tekstu naukowego: Na materiale tekstów językoznawczych*
Kozłowska 1995, 2. vydání 2007), články z oblasti didaktiky překladu i vlast-
ní překladovou praxí. Zdánlivě tedy dostáváme do rukou jen další položku
v řadě polských překladových příruček, ačkoli autorky knihu představují
jako první publikaci svého druhu. V čem tedy spočívá její přínos?

Autorky knihu záměrně uspořádaly tematicky podle problémů, s nimiž se
překladatel setká na různých úrovních interpretace odborného textu. Prv-
ní kapitola je věnována nezbytnému teoretickému úvodu, v němž se autor-
ky stručně, výstižně a srozumitelně věnují objasnění základních bodů teorie
překladu: role a kompetencí překladatele, principů a zásad při překládání,
etap překladového procesu, chybět nemohou ani základní překladové techni-
ky a transformace, vždy ilustrované bohatým a výstižným jazykovým materi-
álem. Další kapitoly už jsou věnovány otázkám překladu psaného odborného
(neliterárního) textu, počínaje technicko-editorskými tématy a možnostmi
využití poznámek překladatele, až po otázku překladu vlastních jmen, reálií,
prvků třetího jazyka, terminologie apod. Už v těchto kapitolách je patrné, čím
se kniha tolik liší od ostatních: ani málo poučeného čtenáře (studenta, začí-
najícího překladatele) neodrazuje náročným výkladem, neunavuje věcnými
terminologickými spory, ale zachovává si čtivost a střízlivou pragmatičnost.

Velkým praktickým přínosem jsou kapitoly V a VI přinášející kategoriza-
ci nejčastějších překladových chyb a problémů. O podobný přehled se u nás
pokusil už Edvard Lotko (*Čeština a polština v překladatelské a tlumočnické
praxi*, 1986) a někteří další, v Polsku jej na špičkové vědecké úrovni popsal
mj. Krzysztof Hejwowski (srov. *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekła-
du 2004, Iluzja przekładu*, 2015). Autorky tudíž mají možnost pojmout toto
téma nejen stručněji, ale opět i přístupněji a srozumitelněji. Stručně řečeno,
recenzovaná kniha jako jedna z mála nehřeší na přílišnou odbornost, aniž by
složitější témata banalizovala. Čtivosti napomáhá i osobnější tón, jakým se
autorky obracejí na své čtenáře: vycházejí z konkrétních osobních zkušeností
při výuce, radí, co se osvědčilo, dávají nahlížet do své didaktické kuchyně. To
je další aspekt, který ocení mnozí vyučující překladových předmětů: na jejím
základě lze totiž připravit celý, snad i vícesemestrální kurz překladu, a z ohla-
sů mezi kolegy vím, že se tak už děje.

V předmluvě autorky uvádějí, že se pokusily o univerzální příručku bez vaz-
by na konkrétní výchozí jazyk (jazykem cílovým je zde nutně polština). V pra-

xi je však převážná část materiálu ilustrována (kromě hojnější francouzštiny a němčiny) na překladu z ruštiny a bez alespoň základní znalosti azbuky a ruského jazyka se její uživatel neobejde. V knize najdeme i řadu pasáží určitých výhradně překladatelům z ruštiny (např. s. 251). Zde je tudíž na místě jediná výtka: kniha vyvolává dojem určité rozháranosti mezi snahou o univerzalitu a úzce bilaterální rusko-polskou specializací, jež snad byla prvotním autorským záměrem. O to více ji však ocení rusisté či obecněji slavisté.

Z praktických rad (přítom vždy dobře ukotvených v teorii), které tato téměř třísetstránková kniha přináší, by bylo možné nejen složit „desatero překladatele“, jak ostatně autorky samy činí v závěrečném oddílu, ale snad celý *centilog*, v němž by každé ze sta přikázání mělo svou platnost a své opodstatnění. Zmíněnou závěrečnou kapitolu shrnující dobré rady překladatelům – co dělat vždy a co nedělat nikdy – já osobně používám v překladovém semináři jako vhodný text k diskusi a – metatextově – i jako předmět překladu.

Takto komplexně pojatá příručka pro začínající i pokročilé překladatele na polském trhu dlouho chyběla a svou roli plní na výbornou. Česká – nejen slavistická – translologie na svou první skutečně *user friendly* příručku dosud čeká.

Jan Jeništa

Тамара Гундорова: Післячорнобильська бібліотека: Український літературний постмодерн. Київ: Критика. 2013. 342 с. ISBN 978-966-8978-68-5.

Ukrajinská literární postmoderna či neomoderna začíná podle prof. Tamary Hundorové kolem roku 1990 a její nástup je podmíněn několika událostmi, které jsou z různých aspektů představeny v knize *Postčernobylská knihovna*. Prof. Hundorová, vedoucí oddělení teorie literatury Institutu literatury AV Ukrajiny, členka vědeckého komitétu Národní rada Ukrajiny pro rozvoj vědy a techniky při Kabinetu ministrů Ukrajiny, se zabývá především vývojem ukrajinské literatury po roce 1991 a slovní spojení „postčernobylská knihovna“ používá jako metaforu ukrajinského postmodernismu přelomu 20. a 21. století.

Svojí strukturou je publikace vzdálená klasickým přehledům literárního vývoje či výtčům autorů a děl. Jedná se spíše o soubor esejů psaných neformálním jazykem, bez zbytečné terminologické zátěže. Samotná devadesátá léta rozděluje Hundorová na dvě fáze. V první fázi se oslavuje nabytá svoboda, revidují se dřívější tradice, objevují se snahy o zaplnění „necelistvosti“ ukrajinské literatury. V druhé fázi pak můžeme sledovat silící konfrontaci mezi různými literárními skupinami a zvyšující se poptávku po didaktické tvorbě. Dále pak Hundorová sleduje tři přední kulturní a estetické orientace v 90. letech: „neonárodovost“, neomodernismus a postmodernismus. S těmito orientacemi koexistují v souladu s generančním principem tři generace: staří spisovatelé „šedesátníci“ (L. Kostenko, V. Ševčuk, Ju. Mušketyk) a disidenti (M. Rudenko, I. Kaly nec), ti jsou zároveň spisovateli poslední fáze existence Sovětského svazu (V. Herasymjuk, O. Zabužko, Ju. Andruchovyč, M. Moskalec). Druhou generací jsou tzv. osmdesátníci, z nichž část, politicky nezaangažovaná, vykazuje ve své tvorbě postmoderní tendence (V. Cybulko, V. Neborak). Druhá část osmdesátníků kultivuje neomoderní sklon k vysoké literatuře (J. Paškovskij, V. Medvid'). A třetí generaci představují tzv. devadesátníci, pro něž je typický estetický pluralismus – od klasicistního k avantgardnímu.

Hlavním tématem knihy je problematika chronologie ukrajinské postmoderní literatury. Stanovení počátku postmoderní éry ukrajinské literatury konkrétním letopočtem či vydáním Andruchovyčovy *Rekreace* (1992) Hundorovou neuspokojuje, proto navrhuje jako určitý mezník použít jednu z největších jaderných katastrof v dějinách lidstva – výbuch Černobylské elektrárny. Literární kánon se pak dá rozdělit na postkoloniální a imperiální. Výbuch Černobylu se časově překryl s procesem rozpadu Sovětského svazu. Historici

(I. Patryljak, J. Latyš) se shodují, že výbuch elektrárny byl rozhodně katalyzátorem rozpadu svazu a měl vliv i na úpadek socialistického realismu. Hundorová akcentuje fakt, že socialistický realismus převzal nacionalistickou koncepci typickou pro ukrajinskou literaturu, přičemž jí dodal statut masové kultury. Následně pak v této formě znehodnotil podstatu ukrajinské kultury, její etnickou složku a pokřivil podobu modernistických a avantgardních projevů v ukrajinské literatuře 20. století (M. Semenko, V. Domontovyč).

První část publikace představuje černobylský diskurz, osvětluje jazykovou krizi sémantické roviny ukrajinštiny, loučí se s klasikou a uvádí nového „postmoderního“ hrdinu (majícího marginální sociální statut), který se v mnohém liší od dřívější koncepce velkého hrdiny.

Generační klasifikace užívaná v ukrajinské literární vědě do konce 20. století začíná v případě nové nastupující „postmoderní“ generace podle Hundorové působit poněkud uměle. Sama proto nazývá jednotlivá uskupení či individuální tvorbu terminologií blízkou jejímu obsahu, např. karnevalová varianta postmoderní skupiny Bu-Ba-Bu, rétorická apokalypsa Jurko Izdryka, feministický postmodernismus Oxany Zabuzko, grotesky kyjevského undergroundu Dibrova, Žoldak, Podervjanskyj či neoavantgarda (S. Žadan, V. Cybulko). Nutno podotknout, že výčet autorů v publikaci není zcela kompletní, v souvislosti s vybranými jmény spíše naznačuje tendence a směry v ukrajinské „počernobylské“ literatuře.

Své podstatné místo mají v publikaci teze opírající se o postkoloniální literární teorii s odkazem na studie Hryhorije Hrabovyče, profesora ukrajinské literatury na Harvardově univerzitě a hlavního redaktora časopisu *Kritika*. Jednou z otázek, které si Hundorová klade, je, zda: „[...] má postmodernismus nové mechanismy ztělesňování postkoloniálních myšlenek, nebo naopak postmodernismus transformuje postkolonialismus na estetickou hru a tržní hodnotu, přičemž snižuje jeho kulturní odpor?“ Odpovědi je možné najít v článku profesora australské Monášovy univerzity Marko Pavlyšyna s názvem *Kozáci na Jamajce: postkoloniální rysy v současné ukrajinské kultuře* (1994), kde tyto dva pojmy téměř ztotožňuje. Pro zajímavost dodejme, že za necelých 20 let vyšlo najevo, že postmodernismus nebyl schopen odstranit vzájemnou averzi centra a periferie, a to ani hravým až ironickým způsobem. Pavlyšyn ve svém článku *Návrat koloniální rezignace* (2013) připomíná aktuálnost termínu koloniální a antikoloniální, především v souvislosti se vztahy Ukrajiny a Západu. Podobným způsobem s těmito termíny pracuje i Hundorová.

Pozornost je dále věnována ukrajinské literární tvorbě v diaspoře, která je a vždy byla pro ukrajinskou literaturu velmi důležitou a neoddělitelnou součástí v celém jejím vývoji. Hundorová zvláště odděluje ukrajinskou masovou

literaturu (meta-historické romány V. Koželjanka, pornograficko-erotické dílo J. Vynnyčuka, pseudodetektivky J. Kononenkové apod.).

Obecně je možné tvrdit, že se Hundorová zaměřuje hlavně na stylistickou a estetickou problematiku, klade důraz na ironickou hru, osvětlení apokalyptických pocitů, na marginální postavení hrdinů. Při tom zvládá kriticky přehodnotit národní kulturu představenou v tabuizovaných toposech a obrazech. Výběr autorů a jejich individuálních pojetí reality dokazuje neuvěřitelnou pestrost, různorodost uměleckých přístupů, hledání a i vyrovnávání se s dobou nedávno minulou i tou současnou, se všemi traumaty i konflikty. Zdá se, že rozdílnost autory spojuje více než jednomyslnost. Za konec ukrajinské postmoderny považuje Hundorová Pomerančovou revoluci – karneval, který z kulturní akce přerostl v politický konflikt. Jak uzavírá knihu autorka: „[...] jen díky tomu, že postmodernismus naučil postsovětského člověka oslavovat svobodu, vyšli Ukrajinci do ulic a nevzali si do rukou zbraně.“ (s. 334)

Radana Merzová

К 80-летию Валерия Михайловича Мокиенко

Профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского университета, почетный доктор Университета им. Палацкого в Оломоуце Валерий Михайлович Мокиенко родился 16 февраля 1940 г., накануне Великой Отечественной войны. Пережил голод, в младенчестве едва не погиб при обстреле. Вся его жизнь – пример таланта, труда, упорства и удачи. Он всегда умел определить цель и потом неумоимо идти к ее достижению. В 1959 г. он поступил на чешское отделение кафедры славянской филологии ФФ ЛГУ, с отличием окончил его, стал аспирантом, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную географическим названиям в народных говорах Псковщины.

При выборе следующего направления научной работы Валерий Михайлович увлекся тогда еще мало разработанной наукой – фразеологией, которая стала его любовью на всю жизнь. Нет сейчас в России и других славянских странах фразеолога, который не знает трудов В. М. Мокиенко. В 1976 г. Валерий Михайлович защитил докторскую диссертацию «Противоречия фразеологии и ее динамика», в которой были разработаны новые подходы к фразеологии: выявление динамического взаимодействия противоречивых свойств фразеологической системы, раскрытие механизма фразообразования с привлечением широких генетических и типологических параллелей. Именно в осознании и четкой формулировке противоречий фразеологии, пожалуй, заключается основная заслуга В. М. Мокиенко как теоретика этой науки. Позже эти идеи были отражены и развиты в книге «Славянская фразеология» (1980), выдержавшей несколько изданий. Раскрыть механизмы динамики славянских фразеологических систем позволил В. М. Мокиенко метод структурно-семантического моделирования, основанный на детализированном сопоставлении диалектной, славянской и неславянской

европейской идиоматики. Сейчас этой методикой пользуются фразеологи всего мира.

Метод языкового сопоставления привел В. М. Мокиенко к славянской исторической фразеологии, где им сделано особенно много. На основе размышлений о происхождении поговорок возникли его книги «В глубь поговорки» (1975, 1989, 1999, 2005, 2008, 2010), «Образы русской речи» (1986, 1999, 2007, 2011, 2017), «Загадки русской фразеологии» (1990, 2005, 2007), «От Авося до Ятя» (1998, 2003). Этимологические комментарии содержат и «Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь» (1990, соавт. В. Ф. Фелицына), и словарь «Фразеологизмы в русской речи» (1997, соавт. А. М. Мелерович). Скрупулёзное изучение истории устойчивых оборотов позволило ученому выработать пять важных принципов этимологического анализа фразеологии: 1) тщательная фиксация всех вариантов фразеологизма и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка (с обязательным привлечением диалектного материала); 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных и неродственных языков; 3) хронологическая характеристика конкретных фразеологизмов в различных языках и выявление наиболее древней фиксации; 4) привлечение культурных, этнографических, мифологических и т.п. фактов для расшифровки фразеологического этимона; 5) выявление на основе собранного материала исходного образа, лежащего в основе фразеологизма. Такое всестороннее рассмотрение устойчивых словосочетаний в их исторических и межъязыковых связях дало ему возможность опровергнуть многие существовавшие версии об исконности оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения.

Результатом историко-этимологических изысканий В. М. Мокиенко стал «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998, 2001, 2005, 2007), содержащий этимологические версии около 6000 фразеологизмов, над которым он, вместе со своими учениками А. К. Бирихом и Л. И. Степановой, работал много лет. Нелегкий, но увлекательный труд составления словарей привлекал В. М. Мокиенко еще со студенческой скамьи, и сейчас мы видим впечатляющий результат его лексикографических трудов – в сотрудничестве с фразеологами России и разных стран Европы Валерий Михайлович создал поистине огромное количество фразеологических словарей, напр.: *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc, 2002 (соавт. Alfréd Wurm); *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Jask, 2003 (соавт. Wojciech Chlebda, Swietłana Szuleżkowa); Прикольный словарь (антипословицы

и антиафоризмы). СПб.; М., 2005. (соавт. Х. Вальтер); Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. Около 5000 слов и выражений. М., 2005 (соавт. Х. Вальтер, Т. Г. Никитина); Антипословицы русского народа. СПб., 2008 (соавт. Х. Вальтер); Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов. Ружомберок-Грайфсвальд-Санкт-Петербург, 2012 (соавт. Д. Балакова, Х. Вальтер); Русско-немецкий словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями). Greifswald-Sczecin, 2014 (соавт. Х. Вальтер, Е. Комаровска, К. Кусаль); Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999 (соавт. К. П. Сидоренко); Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума»). М., 2009 (соавт. О. П. Семенец, К. П. Сидоренко); Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. СПб., 2018 (соавт. Сидоренко К. П.) и многие другие. Общее количество трудов В. М. Мокиенко сегодня превышает 1220 публикаций.

С присущей ему энергией и размахом он организовал расписывание древнейших и современных источников русской фразеологии и паремологии. На основе этой картотеки уже изданы коллективные труды «Школьный словарь живых русских пословиц» (2002) и «Словарь русских пословиц» (2007). Он спас от забвения прекрасный словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое» (переиздано В. М. Мокиенко в 1994 г.) и словарь В. Флайшганса “Česká přísloví” (переиздано В. М. Мокиенко и Л. Степановой в 2013 г.) и многие другие.

Валерий Михайлович уверен в плодотворности коллективной работы над большими проектами. Поэтому в 1977 г. он создал Фразеологический семинар при Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина, который стал международным центром по исследованию славянской фразеологии и паремологии. Много десятков аспирантов, посещавших семинар, стали кандидатами наук, а 12 них уже защитили докторские диссертации в России, Украине, Белоруссии, Чехии, Германии, стали профессорами, заведующими кафедрами, деканами. Семинар имеет свою страницу <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/>, на которой регулярно вывешивается информация о предстоящих конференциях, помещаются фразеологические новинки и другие ценные для фразеологов сведения.

Валерий Михайлович Мокиенко – поистине душа фразеологической Европы, постоянный рецензент и оппонент многочисленных фразеологических трудов и диссертаций, неутомимый организатор и участник фразеологических конференций, ходячая сокровищница советов, щедро раздаваемых всем интересующимся фразеологией. Это человек,

который умеет зажечь идеей, увлечь задумкой, вдохновить на огромный труд. Но одновременно – интересный собеседник с великолепным чувством юмора, автор стихов и здравиц, шуточных и лирических песен под гитару, без пения которых не обходится ни одна конференция.

В 2003 г. В. М. Мокиенко был избран председателем Фразеологической комиссии Международного комитета славистов, а с 2018 г. стал ее Почетным председателем. Под эгидой комиссии каждый год в разных странах проводятся международные фразеологические конференции, в 2020 г. этой чести удостоен Университет им. Палацкого в Оломоуце. Валерий Михайлович выступит на Славофразе-2020 с пленарным докладом.

Мы поздравляем Вас, Валерий Михайлович, с юбилеем и желаем Вам много здоровья, энергии для осуществления всех задумок, пусть Вам во всем сопутствует удача!

*От имени преподавателей кафедры славистики
ФФ Университета им. Палацкого
Людмила Степанова*

V časopise jsou publikovány původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou (od r. 2008 tvoří původní stati 80 % obsahu čísla) a další materiály (recenze, zprávy, kronika) z oblasti jazykovědné a literárněvědné rusistiky a dalších slovanských filologií. Příspěvky lze publikovat ve všech slovanských jazycích a v angličtině. Příspěvky jsou opatřeny anglickým abstraktem. V r. 2008 byla ustavena redakční rada a všechny příspěvky důsledně procházejí nezávislým, anonymním recenzním řízením.

Jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, v tomto smyslu se podepisuje s autorem příspěvku přijatého k publikaci licenční smlouva vypracovaná právním oddělením UP v Olomouci. Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením (dva nezávislí posuzovatelé, z nichž ani jeden není členem redakce či pracovníkem stejného pracoviště jako autor či spoluautor).

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce ledna a června příslušného roku.

Pokyny pro autory

Texty příspěvků zasílejte na e-mail:

jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica),

jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo docx (např. novak.docx, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku

Jméno autora bez titulů v pořadí: jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu min. 500 až 700 znaků s mezerami včetně

názvu stati v angličtině. Uvádí se za slovem Abstract.

Klíčová slova v angličtině: 10–15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words.

Text příspěvku: základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, odstavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat. Mezititulky neoddělovat mezerami. Je nutno povolit funkci „dělení slov“.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt. Doporučený minimální rozsah 27 000 znaků včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury). Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Obsáhlejší ukázky z krásné literatury nebo lingvistické příklady uvádějte dle následujícího vzoru:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988: 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сієтла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач жертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Citace se uvádějí uvozovkami specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica* XVI, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Elektronické zdroje:

КОЛЯДА, Н. (2010): *Старосветские помецики* (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Informace o autorovi:

Jméno včetně titulů.

Stručný vědecký profil.

Adresa pracoviště.

Internetová stránka pracoviště.

E-mail autora.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou publikovány.

Требования к оформлению статей

Общие требования

Для публикации в журнале принимаются статьи филологического, т.е. языковедческого, фразеологического, литературоведческого, переводческого содержания на всех славянских языках и английском языке, рецензии, информация о научных конференциях. Материалы публикуются бесплатно.

Принимаются только материалы, которые до сих пор не были опубликованы в другом журнале – в этом смысле с авторами статей заключается и подписывается соглашение о предоставлении редакции права публиковать данные материалы.

Предоставленные в редакцию статьи должны отвечать указанным ниже требованиям. В случае несоответствия материалов требованиям последние возвращаются авторам для переработки.

Все статьи подвергаются независимому, объективному, анонимному рецензированию.

Материалы в редакцию можно предоставлять в течение всего года. Первый номер выходит обычно в первой половине года, второй к концу того же года.

Авторы статей, рецензий, информации о конференциях, хроник несут персональную ответственность за языковую и грамматическую точность текста. Отклоненные рецензентами тексты к публикации не допускаются.

Тексты для публикации высылать по эл. почте: jindriska.kapitanova@upol.cz (studia linguistica), jitka.komendova@upol.cz (studia litteraria).

Требования к оформлению статей, материалов

Файл должен быть назван по фамилии автора только латинскими буквами с расширением doc. или docx. (например, *novak.doc* или *novak.docx*).

Структура статьи

Имя, (отчество) и фамилия автора

Название страны и города

Название статьи на языке статьи

Резюме на английском языке, включая переведенное на английский язык название статьи. Резюме приводится после слова Abstract. Объем резюме ок. 500–700 знаков.

Ключевые слова (10–15 слов под рубрикой Key Words).

Основной текст статьи печатается 12 кеглем в Times New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все поля – 2,5 мм. Абзац обозначать только с помощью клавиши Enter, переносов не делать, страницы не нумеровать. Необходимо включить функцию «расстановка переносов».

Редактор: Word for Windows.

Рекомендуемый минимальный объем текста 27 000 знаков (включая интервалы, текст, резюме и список использованной литературы).

Ключевые слова и слова-примеры, предложения-примеры выделять курсивом, в случае необходимости – жирным. Большие по объему цитаты из художественной литературы или лингвистические примеры оформляйте по следующему образцу:

Но в человеке еще живет маленький зритель – он не участвует ни в поступках, ни в страдании – он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба – это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. [...] Он существовал как бы мертвым братом человека [...] Это евнух души человека «Чевенгур» [Платонов 1988: 114-115].

Гнучкий розум, приховані лідерські задатки та непохитна цілеспрямованість перетворили сором'язливого, на перший погляд, класичного «ботана» з Сіетла на «акулу» світового бізнесу та справжнього комп'ютерного генія. [24tv 06.11.2015]

Слідом за **ділком у рясі** був виведений на чисту воду й другий «збирач жертвувань» – демохристиянин Джіно Арджентіно, що зробив тоді, як був міським радником, аналогічну «операцію». [Молодь України 1981, №194]

Цитаты выделяют кавычками, не используя курсив (образец: «Цитата», „Citace“, “Citation”).

Ссылки в тексте оформляются квадратными скобками, где приводится фамилия автора, год издания и страница по образцу: [Бархударов 1975: 190–213].

Сноски просьба использовать только для примечаний, ссылки на использованную литературу оформлять так, как указано выше.

Подчеркивания не допускаются.

Список использованной литературы приводится в конце статьи под рубрикой *Использованная литература*.

Книга:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья в журнале:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera Slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Статья в сборнике:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Электронные источники:

КОЛЯДА, Н. (2010): Старосветские помещики (6. 9. 2010), kolyada.ur.ru/starosvet.

Профиль автора:

Ф.И.О., включая ученую степень, звание

Краткое представление научных интересов автора

Полный адрес университета (места работы)

Веб-сайт организации

Электронная почта автора